

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
КАФЕДРА ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА –
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 2012

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

**Москва
2013**

Теория и история социологии

Коллектив авторов

Социологический ежегодник 2012

«Агентство научных изданий»

2012

ББК 60.5

Коллектив авторов

Социологический ежегодник 2012 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2012 — (Теория и история
социологии)

ISBN 978-5-248-00675-5

В статьях, обзорах и рефератах рассматриваются проблемы социальной теории, эмпирических социологических исследований - истории социологии. Обсуждаются актуальные тенденции и перспективы развития социологии как научной дисциплины в России и зарубежных странах. Для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

ББК 60.5

ISBN 978-5-248-00675-5

© Коллектив авторов, 2012
© Агентство научных изданий, 2012

Содержание

Разнообразная социология: Предисловие	5
I. Угорский проект	7
Об Угорском проекте: Теоретические концепции «клеточной глобализации», «очаговой экономики» и их приложения1	7
Угорский проект – ключ к пониманию нечерноземной глубинки	20
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Социологический ежегодник. 2012. Сборник научных трудов

Разнообразная социология: Предисловие

Н.Е. Покровский

Социология бесконечно разнообразна, как и сама социальная жизнь. В этом одно из важнейших, а быть может, и главная отличительная черта социологии в ряду других социальных наук. Четвертый выпуск «Социологического ежегодника» продолжает аналитическое обозрение междисциплинарного многообразия российской и международной социологии наших дней. Оно представлено, прежде всего, тремя тематическими направлениями.

Первое среди них – *социология окружающей среды, природный капитал, проблемы урбанизации и дезурбанизации*. Уже многие годы научная группа Угорского проекта ведет исследования по этой тематике в удаленном районе Костромской области. Но это не только и не столько эмпирическая полевая работа, сколько междисциплинарное моделирование социальных процессов, развивающихся на Ближнем Севере России, прежде всего показывающее изменение вектора приоритетов современного общества. Значимость состояния окружающей среды, экологии постоянно возрастает, превращаясь в проблему номер один в стране и остальном мире. Об этом, в частности, свидетельствует и повестка дня международной социологии, представленная на крупнейших научных конгрессах и конференциях. Публикации в настоящем выпуске «Социологического ежегодника» показывают, что в данной области, как и во многих других, наука может продвигаться вперед только на основе междисциплинарного синтеза. В данном случае среди авторов публикаций этого раздела не только социологи, но и социальные географы, социобиологи, социальные психологи.

Другое бурно развивающееся направление в социологии – *исследование социальных солидарностей*. Еще на заре социологии был поставлен, казалось бы, парадоксальный вопрос: «Как возможно общество?». Надо сказать, что и до сих пор на него не получен однозначный ответ. Иными словами, прекрасно разбираясь во многих деталях жизнедеятельности современных социальных систем, социологи во многом не имеют согласованного решения проблемы наиболее глубоких основ солидарностей. В разделе, посвященном вопросам солидарностей и альтруизма, рассматриваются как классические теории, например Эмиля Дюркгейма, так и современные трактовки социальных и социобиологических объяснений процессов интеграции, адаптации, лидерства и жертвенности в сообществах *homo sapiens*. Данный научный подход представляется особенно важным и в контексте современного состояния общественного сознания, в наши дни подчас использующего креационистские интерпретации «белых пятен» в научных исследованиях основ общества.

И вновь Дюркгейм. Этому великому французскому социологу посвящается третий, историко-социологический раздел Ежегодника. Здесь и новый первый перевод на русский язык классического текста Дюркгейма, и обзор новейших публикаций, входящих в так называемую *Durkheimiana*. Читатель «Социологического ежегодника» погрузится в мир Эмиля Дюркгейма и убедится в том, насколько актуальной оказывается социологическая классика, соответствующим образом препарированная и раскрытая.

Многообразие социологии служит еще одним доказательством ее полезности для современного общества. Притом полезности в самом широком смысле этого слова. Социология

способна решать и зачастую успешно решает практические задачи устройства нашей жизни. Но еще более того социология «полезна» как своего рода система научного мировоззрения, обеспечивающая рациональность, разумность, предсказуемость окружающего нас социального мира. В этом ее предназначение.

I. Угорский проект

Об Угорском проекте: Теоретические концепции «клеточной глобализации», «очаговой экономики» и их приложения¹

Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова

«Клеточная глобализация» и российский социум

Мир XXI века рисовался многим социологам и журналистам таинственным и неизведанным, дарующим перспективы, которых был лишен век прошлый. По сути, новое столетие, эпоха «посткапитализма» предстает обыденной и даже вульгарной, но внутренне целостной. И в этой исторической целостности заключается ее неизбежность. Постмодернистский хаос фрагментарных осколков смыслов и логических схем обретает несколько примитивную упорядоченность, навязывающую себя всем современным сообществам под именем глобализации. Попытаться избежать ее так же бессмысленно, как в свое время было бессмысленно избежать капитализма (даже если его и называли социализмом).

Каковы же общие свойства компонентов глобализации с точки зрения содержащихся в них социальных матриц?

Всеохватность и комплексность изменений. Прежде всего, теория глобализации подчеркивает, что главный акцент должен быть сделан не на рассмотрении отдельных «траекторий» социальных изменений в тех или иных сферах, а на взаимодействии этих изменений друг с другом, их переплетении и взаимозависимости. Это подразумевает рост интереса социологов к пространственно-географическим параметрам социальных изменений, их глобальному охвату. Процесс изменений проникает во все микроструктуры общества (семья, малые сообщества, повседневность) и разгерметизирует прежде закрытые социальные образования. Быть замкнутым на себя и скрытым от внешнего мира сегодня означает закрыть свое собственное будущее. Любые формы социальной динамики связаны прежде всего с открытостью систем, образующих сетевые структуры общения, поддержки и социального контроля. Характер социальных изменений влечет за собой и изменение восприятия социального времени. Отныне траектория социального времени раскладывается на серию отрезков, каждому из которых соответствует отдельный жизненный «проект», достаточно краткосрочный. После окончания очередного проекта возникает новый, часто радикально меняющий ориентацию траектории развития. Подобная краткосрочная актуальность социальных практик пронизывает все уровни социальной структуры. Даже такие традиционные институты, как, например, семья, превращаются на наших глазах в экспериментальный проект для вовлеченных сторон. Все начинает носить временный характер и требует от субъектов большой и специфической динамики «вписывания» в эту краткосрочность.

Множественность гибридов в области культуры. Теория глобализации радикально изменяет наше представление о культуре, которая прежде рассматривалась по преимуще-

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ «Перспективы устойчивого развития Ближнего Севера России: Экология, культурное наследие, новые поселения» (12-06-00406-а) и гранта Научного фонда НИУ–ВШЭ «Природный капитал и экология как факторы миграции из мегаполиса в сельскую местность» (11-01-0160).

ству как нечто либо наследуемое, либо спускаемое «сверху» и «распространяемое». В новых условиях культура становится результирующей бурного процесса «конфликтности» (politicized contestation). Это приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных «социокультурных гибридов», с присущими им весьма коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием традиционному контексту.

Примордиальные (базовые) факторы и гражданское общество. Своеобразный поворот получает и тема «гражданского общества» в связи с приложением к ней теории глобализации. Процесс интернализации ценностей и ценностных ориентаций приводит к тому, что регулятивно-нормативная функция общества существенно видоизменяется, а прежде подавлявшиеся гражданским обществом и не социализировавшиеся «примордиальные» (primordial) феномены, близкие по своему характеру к фрейдовскому *Id* и мидовскому *I* и проявляющие себя в контексте этнического начала, расы, пола, занимают все более важное положение в глобализационных процессах и институтах. Мозаичный набор социальных «типов» и моделей, отсутствие единых принципов рационализации, свобода обращения с примордиальными феноменами – все это создает глобалистско-постмодернистскую картину социального мира.

Новая концепция рациональности. Новые глобальные процессы заставляют изменять и прежнюю концепцию рациональности, сформировавшуюся в рамках «современного общества», приводя ее в соответствие с «постсовременным обществом», порождаемым глобализацией. Поскольку глобализация представляет собой нормативно-теоретическую парадигму, она и вырабатывает модели новой рациональности. При этом рациональность в глобальном смысле понимается прежде всего как свобода самовыражения многообразия, что и находит свое частное проявление в теории мультикультурализма, согласно которой при рассмотрении культурной «карты» той или иной региональной или профессиональной группы должен доминировать принцип полной мозаичности.

Противопоставление глобального и локального. Важной особенностью глобализации становится то, что она проникает в самые глубины социальных структур, превращая их в носителей новых смыслов. Это касается таких «локальных» ценностей, как традиции, обычаи, привычки, местные сообщества и др. Короче, новые глобальные реалии радикально видоизменяют даже наиболее консервативные и устойчивые структуры социального сознания и поведения. При этом процесс «отказа» от «старого» идет быстро, решительно, зримо. Причем всякое «новое» обладает, по мнению сторонников этой теории, заведомым преимуществом, поскольку оно «глобальное». Из этого в принципе следует, что это «глобальное» приобретает статус высшей нормативной ценности. Социальным институтам локального уровня отныне уже нет необходимости проходить всю вертикальную иерархию, дабы выйти на общемировой уровень. Семья, малые группы, местные организации, локальные движения и институты глобализируются прямым и непосредственным образом именно на своем уровне, демонстрируя новые формы участия в глобальных феноменах. На первый взгляд, парадоксальным в этой ситуации выглядит то, что локальные структуры могут сохранить себя только в том случае, если они начинают образовывать сетевые связи, имеющие тенденцию к глобализации на своем уровне. Значение вертикальных иерархий резко снижается. Информация, финансирование, помощь приходят по сетям с горизонтальных уровней, а не «сверху». Все уровни при этом дистанцируются друг от друга и живут самостоятельной и самодостаточной жизнью. Разочарование электората в макрополитике – хорошая иллюстрация этого тезиса. Аналогичные процессы роста взаимного равнодушия между горизонтальными уровнями где бы то ни было имеют место повсеместно и отражают развивающуюся тенденцию.

Тесная связь макро- и микроуровней происходящих изменений прослеживается всюду. Проиллюстрируем это на примере, казалось бы, сугубо локального проекта, который отражает проявление многих глобальных процессов².

Угорский проект: История возникновения

Угорский проект возник и развивался постепенно, «снизу вверх», как растет дерево, можно сказать, естественным образом. В 1996 г. Н.Е. Покровский, в то время профессор социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, решил приобрести для сугубо личного пользования дом в сельской местности на максимально разумном удалении от Москвы. После многочисленных консультаций со знакомыми, имевшими опыт сельской жизни, и поездок в Вологодскую область выбор все же пал на Костромскую область, а именно деревню в Мантуровском районе на правом берегу среднего течения Унжи, притока Волги. Решающими обстоятельствами в окончательном выборе стали природная эстетика, ландшафты, трудно передаваемая словами «духовная» атмосфера деревень, полей, таежных лесов, реки Унжи, всегда открытого огромного неба. Все это завораживает горожанина и, можно сказать, приковывает намертво³. После приобретения традиционного сельского дома (1918 г. постройки) и земельного участка, к нему дававшегося, для Н.Е. Покровского начались деревенские университеты бытового обустройства жизни в абсолютно новой среде, ремонты, перестройки, установление связей с односельчанами и сельским начальством. Главное впечатление от первых лет, сохранившееся и поныне, – это чувство свободы самореализации. В отличие от города, тем более мегаполиса, где все зарегулировано и регламентировано, деревня предстает зоной свободы для горожанина, где, в общем и целом, все возможно и доступно, будь на то воля и довольно скромные средства.

После нескольких лет, проведенных в летние сезоны в деревне, стали возникать замыслы подвергнуть окружающий деревенский уклад жизни научному анализу. И если прежде для Н.Е. Покровского все разделялось на составные части (в Москве – профессиональная работа, наука, преподавание, а в деревне – отдых, приватная сфера личных интересов), то довольно скоро эти сферы стали соединяться⁴. Замысел исследования изначально не подразумевал «крестьяно-ведческой» направленности, т.е. изучения крестьянских сообществ в качестве самодовлеющей и самоценной социальной и исторической общности. Интересовали признаки, «индикаторы» проявления общеглобализационных процессов на микроуровнях крестьянской повседневной жизни: теоретические аспекты глобализационной матрицы в той мере, в какой они реализуют себя в самых низовых и периферийных социальных общностях.

Итак, начало Угорского проекта – наглядный пример того, как случайная покупка деревенского дома в Костромской области постепенно способствовала перерастанию первоначаль-

² См. также статью Т.Г. Нефедовой в этом выпуске «Социологического ежегодника».

³ «Кейс Покровского» довольно симптоматичен. Траекторию Покровского в той или иной степени проходили все ныне немногочисленные городские обитатели деревни Медведево Угорской сельской администрации. Сходное воздействие испытывают и участники международных научных конференций, в течение многих лет проводящихся на базе Сообщества профессиональных социологов в Медведеве. От первой реакции: «Зачем мы здесь оказались в этом захолустье» быстрый переход к высказыванию: «Как тут замечательно, ни на что не похоже, испытываем особое чувство восторга, нельзя ли купить дом?». Во всем этом нет места мистике, а есть определенная логика психологического воздействия, в общих чертах обозначенная в классическом философском трактате Генри Торо «Уолден, или Жизнь в лесу».

⁴ К сегодняшнему дню можно констатировать, что обе сферы значительно интегрированы друг с другом. Деревня превратилась в поле профессиональной самореализации научных интересов (и в меньшей степени – место чистой рекреации), здесь же из отдельных компонентов складывается учебный процесс (приезжают на практику студенты, магистры, аспиранты). Она стала также и полем международных научных обменов (зарубежных коллег в немалой степени интересуют именно глубинные районы России, а не аудитории московских университетов и конференц-залов).

ной чисто рекреационной мотивации горожанина в нечто большее – в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села.

С начала 2000-х годов исследовательский замысел Н.Е. Покровского стал поддерживать Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), что позволило привлечь коллег и организовывать ежегодные междисциплинарные экспедиции в Костромскую область, проводить исследования, издавать книги.

Все больше московских и не только московских ученых стали приезжать с научными целями в маленькую деревеньку Медведево в Угорской сельской администрации, а деревенский дом постепенно превратился в научный центр. Проект развивался на базе Сообщества профессиональных социологов с привлечением экономистов, философов, психологов. Сложилась междисциплинарная группа исследователей, в которую первоначально входили и по-прежнему входят психолог В.Ф. Петренко, социолог-крестьяновед В.Г. Виноградский, экономисты С.Н. Бобылев, А.З. Бобылева, социобиологи Л.М. Баскин, В.С. Зайцев, Е.С. Преображенская, демограф М.Б. Денисенко, специалист по муниципальному управлению Ю.М. Плюснин, кинооператор и фотограф В.Н. Иванов; к ним позже присоединились социальные географы Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш, А.В. Дроздов и другие коллеги. В исследовательской группе представлены ведущие столичные и региональные университеты России и институты РАН.

Ученых, помимо теоретических аспектов, интересовало и нынешнее состояние российской деревни с ее традиционным укладом, сложными проблемами и перспективами на будущее, но не в качестве изолированной социальной группы, а в качестве органичной составной части всей социальной структуры общества. Ведь не секрет, что для коренных жителей больших городов и особенно столицы деревня – это загадочный континент. При упоминании сельской России взгляд просвещенных столичных жителей обычно мутнеет, и следуют типовые вопросы: «А там все пьют с утра? А зимой ваши дома обворовывают дочиста?». Иногда складывается впечатление, что горожане вообще хотели бы забыть о самом существовании сельской России, как о большом национальном провале, об Атлантиде, которая погружается на дно цивилизации [12]. А ведь это 38 млн. жителей. Да и остров-то слишком разнообразный для того, чтобы его хоронить. Для тех, кто обладает даже самыми начальными познаниями в области социологии, самоочевидно, что сельская Россия не может быть подвергнута аннигиляции, забыта и перечеркнута. Она зримо и незримо воздействует на все остальное общество, даже если последнее об этом и не подозревает.

Во всех этих вопросах группе ученых и хотелось разобраться, отделяя традиционалистские мифы от реальности. Непрекращающийся кризис районов Ближнего Севера, перешедший в хронику, был налицо. Сама констатация кризиса ничего не дает. Но разобраться в его истоках и протекании самой болезни было более чем важно. При этом, шаг за шагом исследуя нисходящую траекторию развития не только в последние 20 лет, но и в течение многих десятилетий XX в., участники проекта одновременно видели, сколь огромен потенциал этих регионов, измеряемый не сиюминутной экономической выгодой, а последствиями перспективной трансформации экономики и социальной жизни.

Первые тезисы проекта включали следующие представления [13]:

1) в современной России город и село принадлежат к двум разделенным континентам социального уклада и живут раздельной жизнью, в асинхронных ритмах протекания социального времени;

2) в стране возникают смешанные село-городские сообщества, обозначающие формирование нового уклада новых социальных сил общества;

3) данные тенденции вписываются в глобализационный дискурс современности.

Эти наблюдения возникли на фоне общей депрессии сельской жизни и особенно сельского хозяйства, периферийных районов Нечерноземья в 1990–2000-е годы, которые не только

не привели к окукливанию местного мирка, но, наоборот, способствовали подключению его к глобальным процессам.

Производство сельскохозяйственной продукции снизилось до критических величин, и назвать его товарным рыночным крайне трудно; поля остаются незасеянными и зарастают кустарником и лесом. При этом остается все меньше спелых лесов. Однако на этом фоне парадоксальным образом в села шагнули современные технологии. Сотовые телефоны стали повседневностью, хотя власти, истратив уйму денег, с большим опозданием поставили посреди каждой деревни стационарный телефон, который зарастает травой, поскольку им никто не пользуется. Во многих местах стал доступен Интернет. Над сельскими избами то тут, то там громоздятся тарелки спутникового телевидения. К этому добавляется экспансия современных форм потребления, разнообразие которых демонстрирует районный центр с его современными магазинами и обширным ассортиментом товаров, не уступающим московскому. Продолжается автомобилизация населения. Перед многими сохранившимися деревенскими домами стоят автомобили. При этом сильно отстает инфраструктура, в том числе дороги, даже федеральные; медицинское обслуживание и образование находятся на грани уничтожения. Зато пенсионное обеспечение на высоте, что сделало сельских пенсионеров при их пониженных тратах на продовольствие и при наличии собственного огорода привилегированной кастой доходоприносящих граждан. Такой поворот событий приводит к окончательному загниванию местной экономики, превращению сельских сообществ в паразитарное напластование на нефтяной экономике страны в целом.

Эти контрасты обусловили и первые направления исследований по Угорскому проекту⁵. Они были связаны с поисками ответов на вопросы: 1) обретает ли сельское население при сокращении численности некий внутренний баланс; 2) привлечет ли пустеющая сельская местность новую волну горожан; 3) что именно привлекает горожан и как можно регулировать эти процессы институционально и экономически, чтобы создать стимулы развития сельской местности?

Основные задачи Угорского проекта

Исследовательская задача № 1: Обоснование ограниченности интерпретации природного капитала только как природных ресурсов (д-р экон. наук С.Н. Бобылев, МГУ им. М.В. Ломоносова). Для успешного экономического роста необходим учет и других экологических функций. Это привело к попытке учесть в теории экономическую значимость всех его составляющих, их способность приносить доходы и выгоды, как это и положено любому капиталу. В самом общем виде можно выделить три функции природного капитала: 1) ресурсная – обеспечение природными ресурсами производства товаров и услуг; 2) экосистемные / экологические услуги – обеспечение природой различного рода регулирующих функций: ассимиляция загрязнений и отходов, регулирование климата и водного режима, озоновый слой и т.д.; 3) услуги природы, связанные с эстетическими, этическими, моральными, культурными, историческими аспектами, и своего рода «духовные» экологические услуги; обеспечение здоровья людей [1; 2]. Если первая функция природного капитала хорошо знакома и отражена в литературе учеными на протяжении веков, то экономическая интерпретация экологических услуг – как экосистемных, так и «духовных» – еще только начинается.

Российский Ближний Север является важным поставщиком экосистемных услуг на региональном, национальном и даже глобальном уровнях. Здесь можно отметить такую важную

⁵ Название «Угорский проект» утвердилось в середине 2000-х годов. Оно носит формально-неформальный характер и включает в себя помимо чисто научного ядра, описанного выше, более широкие научные практики, элементы социального проектирования, просветительства, благотворительности.

роль региона для устойчивости мировой биосферы, как регулирование климата. Для экономиста и социолога причина деградации многих функций природного капитала очевидна: это их экономическая недооценка, что приводит к проигрышу варианта сохранения «бесплатной» природы по сравнению с техногенными вариантами развития (сельское хозяйство, населенные пункты, промышленность и т.д.).

Особая исследовательская задача № 2 была связана с изучением природы Костромской области, истории природных промыслов, включая охоту, собирательство, влияние изменений природной среды на места обитания животных и их поведение (д-р биол. наук Л.М. Баскин, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН).

Исследовательская задача № 3: создание модели намечающейся новой волны миграции из городов в экологически чистые районы Ближнего Севера, так называемого дауншифтинга в среде нарождающегося городского среднего класса (д-р социол. наук Н.Е. Покровский, НИУ–ВШЭ).

Одно из проявлений постиндустриальных матриц в российском обществе можно увидеть в возникновении на селе новых сельско-городских сообществ («агрегаций»). В наши дни достаточно многочисленные социальные группы жителей больших индустриальных городов приобретают на правах личной собственности дома и наделы земли в отдаленных селах и деревнях.

На поверхности этот процесс представляется в виде вынужденного шага со стороны тех горожан, которые не могут обеспечить себя и свои семьи средствами для полноценного и современно организованного отдыха (туризма, санаторного лечения и т.д.), хотя субъективно аргументация новоявленных «деревенщиков» может быть и иной. В ряде отнюдь не единичных случаев первоначально присутствующая чисто рекреационная мотивация горожан перерастает в нечто большее, а именно в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села, к ведению хозяйства, к экономической, политической и культурной модернизации сельских сообществ. Городская культура позволяет горожанам видеть огромные не реализованные возможности села во всех сферах жизни. Сельские жители, находясь часто в состоянии долговременной социальной и психологической депрессии, также осознают, что своими силами им не остановить процесс обвальной деградации и умирания села. Здесь смыкаются два процесса, два согласованных интереса и возникает глубинная органическая интеракция, которая в состоянии создать и уже стихийно создает и некие новые социальные структуры – сельско-городские (пока что незримые и нередко нераспознаваемые) сообщества [13].

Социальная база ожидаемых изменений связана с развитием так называемой «удаленной работы» и усилением миграционного оттока «креативного класса» из городов в разреженную сельскую местность [10; 12]. Поменяются полюса притяжения мигрантов. Города перестанут быть наиболее привлекательными, а в удаленной сельской местности главным станет не сельское хозяйство и даже не использование природных ресурсов, а производство интеллектуальных продуктов; главенствующее значение приобретут информационные коммуникации и физическая мобильность [10; 12]. По идее именно потребности снизу, а не планирование сверху должны трансформировать в будущем и инфраструктуру. В более отдаленной перспективе обозначаются новые волны *реколонизации* Ближнего Севера представителями среднего класса крупных городов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга – от дачной рекреации сегодняшнего дня к закреплению на селе в формате «жидкостной миграции»⁶.

⁶ «Жидкостная миграция» (термин Н.Е. Покровского) обозначает не оседлое закрепление в сельской местности, а круглогодичное проживание в ней с *постоянными* отъездами / возвращениями, будь то обе российские столицы или дальнейшее зарубежье. Само понятие ПМЖ (постоянное место жительства) исчерпывает себя в качестве социального модуса, уступая место процессу постоянного скольжения по поверхности. При этом, однако, необходимые привязки к локусу проживания (например, немобильные члены семьи, символическая аффилиация с «малой родиной») сосредоточиваются в сельской местности по признакам наибольшей рациональности и оптимизации качества жизни, прежде всего в экологическом отношении. Эта гипотеза Н.Е. Покровского входит в число основных в проводимых и планируемых исследованиях в рамках Угорского проекта.

Исследовательская задача № 4: Изучение особенностей проникновения глобализационной модернизации в разреженное депопулировавшее пространство, где все процессы проходят иначе, чем в городе (д-р филол. наук В.Г. Виноградский, д-р социол. наук Н.Е. Покровский – НИУ–ВШЭ).

Позиция участников проекта поначалу была довольно резкой: возврата к тотальному сельскому хозяйству в этом регионе не будет никогда [11]. Рыночная экономика подвела черту под старыми формами. Местная продукция нечерноземных периферийных районов слишком дорога по сравнению с продукцией, получаемой из регионов Черноземья или на импортном сырье, и качество ее давно деградировало (для чего достаточно продегустировать сыр местного Костромского комбината или увидеть санитарное состояние мясокомбинатов в некоторых соседних малых городах). Взамен этой фактически умершей и умирающей жизни предлагалось подумать о коммерческом использовании экологических ресурсов и туризма. Вместо огромных площадей распахки придут своеобразная *клеточная глобализация*, основанная на выборочном постоянном заселении людьми свободных профессий районов Ближнего Севера, и развитие отдельных очагов.

Само понятие «качество жизни» эволюционирует в сторону экологических ценностей [2; 12]. Но этого недостаточно. Нужны элементарный комфорт и набор необходимых услуг. Пока сочетать достоинства городской и сельской жизни удастся не так далеко от городов. И главными ограничителями более стабильного вторичного заселения удаленных районов помимо расстояний (добираться до Москвы из Угор – 9 часов на машине и ночь поездом) служат плохое состояние дорог, отсутствие необходимой инфраструктуры и услуг. Самому населению этого не создать без институциональных изменений и трансформации мышления региональных властей.

В 2006 г. к проекту добавились географы, а следовательно, и новые подходы, связанные с полимасштабным изучением возможностей и ограничений развития Ближнего Севера и выявлением его пространственного разнообразия. Для России поддержание экономической активности и инфраструктуры на огромных пространствах периферии регионов всегда было большой проблемой, особенно в Нечерноземье, несмотря на то, что в целом по России показатели сельского хозяйства за последние годы улучшались. Но само по себе Нечерноземье и даже его периферия – не гомогенные образования, они сильно различаются в зависимости от природных условий, особенностей исторического развития, степени удаленности от центра региона и основных осей развития.

Отсюда *исследовательская задача № 5 – определение того, для какого типа районов России и для какой территории репрезентативен Угорский проект* (д-р геогр. наук Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН). Для этого сравнивались основные процессы естественной убыли и направлений миграций населения, динамики сельского и лесного хозяйства, землепользования и забрасывания угодий на севере и юге России. Костромская область сопоставлялась с соседними и более удаленными областями. Сильными оказались контрасты и внутри нечерноземных регионов, особенно между пригородами и периферийными районами. Угорский проект представляет собой исследование сельской местности, весьма типичной для довольно обширного макрорегиона, включающего периферийные районы Нечерноземья. Это примерно 80% Нечерноземной зоны и около 15% территории России. На юге село совсем другое, гораздо более полнокровное. А на более дальнем севере и востоке России при той же и даже большей разреженности населения не было такой длительной депопуляции.

Исследовательская задача № 6 – выявление конкретных моделей современного развития сельских территорий (д-р геогр. наук Т.Г. Нефедова). Главным локальным ограничителем развития староосвоенных депопулирующих районов остаются социально-демографические факторы, необходимая квалификация и трудоспособность кадров даже при избытке незанятого сельского населения (в Угорском поселении официальные показатели безрабо-

тицы низки, хотя реально не имеют постоянной работы около трети населения в трудоспособном возрасте). В таких районах спонтанно происходит пространственное «хозяйственное сжатие» при его диверсификации [6]. Таким образом, развитие идей проекта шло в русле анализа современных направлений трансформации сельской местности и их перспектив. Модели хозяйственного сжатия не остановят уменьшения населения, сокращения крупноплощадного сельского хозяйства и сжатия освоенных территорий, но, увеличив очаговость освоения и разнообразие занятий, они спасут от тотального забрасывания земли и деревни. Таких моделей несколько, причем они вовсе не исключают друг друга [7; 6]. Для их выявления использовались не только статистические и картографические данные по районам Костромской области и отдельным поселениям периферийного Мантуровского района, но и глубинные интервью с руководителями предприятий и представителями местных властей, а также анкетирование постоянного населения с помощью студентов и аспирантов, проходивших практику на базе Угорского проекта [8].

Эти модели можно свести к нескольким⁷: 1) поддержка отдельных агропредприятий, в основном вошедших в цепочки локальных или региональных агропромышленных структур; 2) поддержка мелкого частного сельского хозяйства, хотя страта тех, кто способен активизировать товарность своего хозяйства даже при оказании помощи, довольно узка: 10–15% [8]; 3) переход к полифункциональному развитию, порой с заметным изменением специализации: лесозаготовки и лесопереработка, стимулирование сбора и переработки даров леса для насыщения крупногородских рынков, охота, рыболовство, туризм и др.; 4) создание достопримечательных мест в особо живописных местностях, сохранивших неизменными архитектурный облик деревень или ценные памятники истории и культуры; 5) специальная социальная поддержка, если осталось нетрудоспособное местное население.

Модели *управляемого «хозяйственного сжатия»*, основанные на стимулировании лишь отдельных очагов экономической активности, здесь неизбежны. При этом чрезвычайно важно «смягчать» пространственную социальную поляризацию [6] и поддерживать жизнедеятельность имеющегося населения хотя бы для сохранения социального контроля над обширной территорией, «полное одичание» которой чревато непредсказуемыми последствиями. Тем не менее последние действия властей по объединению сельских поселений и даже идеи переселения людей с целью сокращения бюджетных расходов только стимулируют процессы обезлюдения и сжатия освоенного пространства⁸. В результате – невозможность реализовать новые модели развития и сохранения населенных мест.

Пример Угорского поселения показывает, что при наличии населения и элементарной инфраструктуры *одна из наиболее вероятных моделей возрождения нечерноземной деревни* связана с сезонным присутствием там городских дачников. При всей парадоксальности этого вывода, факты, складывающиеся в тенденцию, это подтверждают⁹.

⁷ См. статью Т.Г. Нефедовой в этом выпуске «Социологического ежегодника».

⁸ См. статью Т.Г. Нефедовой в настоящем издании.

⁹ Здесь, однако, в научный дискурс резко вмешиваются идеологические факторы. Возможная кардинальная переориентация отдельных районов Ближнего Севера на рекреационную экономику, «экономику впечатлений» с ее акцентом на сохранении и рачительном использовании природного капитала порождает глухое неприятие и даже агрессию со стороны столичных ревнителей старины, прежде всего советской, ориентирующихся на традиционные почвеннические и неопочвеннические представления о национальных народных «корнях». Уход с экономической сцены традиционного «тотального» (но малоэффективного, вернее, тупикового в новых условиях) сельского хозяйства и замена его очаговым сельским производством, сориентированным на новых местных потребителей, воспринимается ими как посягательство на сакральное, на основы российского бытия. В процессе смены одного уклада другим подчас видится чуть ли не политическая составляющая. Местные жители, особенно среднего и старшего возраста, по-разному воспринимают процесс изменения экономических и ценностных ориентиров. Многие из них хорошо понимают, что в новом контексте организации труда, основанном на использовании современных технологий и развитии инфокоммуникаций, им едва ли найдется полноценное место. Однако молодежь и наиболее активные и динамичные взрослые жители сел смело вступают в этот новый мир северной деревни. Они понимают, что он фактически безальтернативен, и только он может спасти этот регион от одичания, полного падения в архаику и, таким

Отсюда исследовательская задача № 7 – оценка реальных перспектив проникновения горожан в сельскую местность и анализ новых социальных структур дачного реосвоения удаленных деревень (д-р геогр. наук Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН).

В отличие от дезурбанизации (переселения в сельскую местность на постоянное место жительства), случаи которой пока единичны в таких удаленных районах и более характерны для подмосковных пригородов, роль дачного развития удаленной от городов местности велика. Массовость российской сезонной дачной дезурбанизации, особенно связанной с покупкой домов в деревнях, не фиксируется статистикой. Поэтому чрезвычайно важны локальные обследования сезонного присутствия горожан в деревне, анкетирования дачников, которые проводились в рамках Угорского проекта [9]. Все большее распространение получает феномен *дальней дачи* в тихом безлюдном живописном месте взамен или в дополнение к *ближней даче*, зажатой среди изгородей и коттеджей Подмосковья [6]. Процесс проникновения московских дачников в удаленные периферийные сельские районы начался еще в 1970–1980-х годах, стал более активным в 1990-х и набирает силу в 2000-х. Обследования деревень в разных районах Нечерноземья показали, что дачные зоны Москвы и С.-Петербурга уже пересеклись на юге Псковской и Новгородской областей, захватив Ивановскую и Костромскую области. Даже в таких удаленных на 600 км местах, как Мантуровский район и Угорское поселение в Костромской области, доля московских дачников достигает 50% собственников домов, а в сильно депопулировавших деревнях – 70–90%. Однако дачники не повсеместны, они концентрируются в отдельных очагах с наиболее живописными ландшафтами (например, вдоль реки Унжа). В деревнях дачники сохраняют дома и целые деревни. Экономические стимулы, исходящие от дачников, способны занять часть местного населения, они создают спрос на услуги по ремонту и строительству домов, присмотру за ними. Мелкое индивидуальное хозяйство местного населения имеет шанс укрепиться, снабжая дачников продуктами. Приток дачников дает стимул к развитию торговли в соседних городах, хотя имеет и негативные последствия, задавая в сезон повышенные цены. Но главное – дачники, в основном интеллигенция среднего достатка, среднего и пожилого возраста, создают иную социальную среду в деревнях, в том числе и активизируют местное сообщество. Все это может способствовать задержанию местного населения. Есть отдельные примеры и полного погружения горожан в сельскую жизнь с работой в сельской школе или занятием животноводством (наряду с привычными профессиональными занятиями). Однако такие случаи пока еще единичны на фоне массовости временного использования сельских домов горожанами в основном в летне-осенний период.

Именно покупка домов в деревнях и дачная рекреация горожан могут стать новым стимулом сохранения деревни. Однако власти в упор не видят этой набирающей силы тенденции. Главным экономическим ограничителем этого на периферии служит сильное отставание развития инфраструктуры и сервисного сектора, а демографическим – уход местного населения (естественная убыль и в результате миграций), так как *без местного населения дачники в таких удаленных местах не задерживаются* из-за разграбления домов зимой. Таким образом, тенденция укрупнения поселений, которую «продавливают» в последние годы власти, приведет к усилению оттока местного населения из удаленных малых деревень и скажется на дачном реосвоении глубинки. Все это ведет к ее полному запустению.

Особая исследовательская задача № 8 – возможности туристического развития столь живописных мест (канд. геогр. наук А.В. Дроздов, Институт географии РАН). Сама главная ось, связующая несколько районов, – река Унжа с ее песчаными пляжами и лесистыми берегами – может быть привлекательной для туристов с самыми разными вкусами, от байдарочников и любителей экологических троп до охотников на птиц, медведей и кабанов. Плюс заповедные природные участки (Кологривский лес), старинные города Кологрив и Мака-

рьев с Макарьево-Унжеским монастырем, который уже стал местом паломничества, классические деревни Ближнего Севера с «домами-кораблями» вкупе с уродливыми советскими памятниками Севера (развалины УжЛАГа и завода ВПК) – все это можно сделать привлекательным [4; 5]. И даже частично утраченные объекты, например усадьба «Отрада» Натальи Апухтиной, история жизни которой так похожа на описанную в «Евгении Онегине» (она сама считала себя прообразом Татьяны Лариной), могут олицетворять возможные места действия известных каждому россиянину событий. Тем более что сохранилась церковь, в которой венчались Апухтина и генерал Фонвизин. Пример Угорского проекта показывает, как можно использовать сочетание экологически сбалансированной природной среды и богатого исторического наследия.

Главные ресурсы рекреационного реосвоения периферии, как дачного, так и туристического, – чистый воздух, вода, живописные ландшафты. Они вполне совместимы с другим бизнесом и могут даже подпитывать его, кроме крупных предприятий, уничтожающих этот экологический ресурс. Поэтому уже сложившееся и развивающееся дачно-рекреационное использование и возможные новые загрязняющие промышленные предприятия должны быть максимально разведены, что, как правило, не учитывают региональные власти.

В связи с этим возникла *особая исследовательская задача № 9, связанная с экологическими рисками предполагавшегося в 2000-х годах строительства в г. Мантурово крупнейшего в Европе целлюлозно-бумажного комбината (Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова, М.С. Гунько)*. Специфика Угорского проекта состоит в том, что он рассматривает во взаимосвязи экономические, экологические и социальные последствия строительства комбината, который, безусловно, может стать, как предполагают региональные власти, локомотивом развития Костромской области и ее восточных районов и обеспечит занятость части местного населения. Однако сама «темная» история меняющихся инвесторов [8] и возможные экологические последствия этого проекта настораживают. И дело даже не столько в загрязнении воды и воздуха (современные технологии позволяют надеяться на сравнительно низкие риски выбросов). Главным ограничителем станут уменьшающийся сток Унжи (расчеты показали, что при оборотном водоснабжении воды в реке хватит на 12 лет) и низкие запасы древесины (на 26 лет). Все это делает проект экономически неэффективным [3].

Перспективы Угорского проекта

Ближний Север включает в себе огромный потенциал развития, связанный с новой организацией экономической и социальной жизни в контексте постиндустриального общества. При этом все то, что здесь сейчас ценится меньше всего, в перспективе приобретет наивысшую ценность и востребованность. Именно поэтому проект сочетает как объективный анализ современной ситуации и возможного ближайшего будущего, так и социальное моделирование того, что здесь может быть.

Исследования по Угорскому проекту находят широкий отзыв научной общественности самых разных направлений. Ежегодно издаются сборники статей по результатам научных исследований. Его результаты активно используются и в других публикациях участников проекта. Работает сайт «Угорский проект»¹⁰.

В настоящее время в деревне Медведево действует научно-исследовательская база Сообщества профессиональных социологов. На ней помимо ежегодных экспедиций проводятся полевые практики студентов и аспирантов факультета социологии и факультета медиакоммуникаций Высшей школы экономики, факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, научных институтов РАН. Кроме того, в Медведево построена база факультета государственного и муници-

¹⁰ Угорский проект. – Режим доступа: <http://www.ugory.ru/>

пального управления НИУ–ВШЭ, организующая практику студентов и магистров, проводятся и другие мероприятия. Деревня Медведево избрана полигоном для летней практики и научных исследований факультетом медиакоммуникаций НИУ–ВШЭ.

Третий год в небольшой деревушке Медведево проводятся ставшие традиционными международные научные конференции. Они проходят в обычных деревенских избах на переоборудованных в конференц-залы сеновалах. Благодаря своей полной уникальности такие конференции собирают до 60 участников. Несмотря на некоторую экзотичность, на научной базе созданы все условия для проведения мероприятий международного уровня и бытового обслуживания гостей.

Ценность подобных конференций, рассматривающих глобально-локальные процессы, в их междисциплинарности. Они собирают самых разных специалистов: социологов, экономистов, географов, специалистов по управлению и др. Например, на конференции «Новые социальные смыслы окружающей среды: Глобализационные перспективы, сохранение природы, сельские поселения» (Мантуровский район Костромской области, 1–3 июня 2012 г.) работало несколько секций. На секции «Город & село» обсуждались проблемы глобализации и ускорения социального времени, дауншифтинга и формирования новых сельских сообществ, возможности самореализации в глубинке; анализировались жизненные траектории выпускников сельских и городских школ, вопросы идентичности в локальных сообществах и перспективы внедрения информационных технологий в сельской местности. На секции «Новые миграционные тренды и проблемы сельских сообществ» были представлены доклады, анализирующие разные типы локальных сообществ горожан-дачников в деревнях Нечерноземья, особенности российских экопоселений, межрегиональные трудовые миграции и проблемы «отходников» – жителей сел, малых и средних городов, временно работающих в крупных центрах, Москве и Московской области, рассматривались адаптивные инновации в Нечерноземье и вопросы планирования сельских поселений, влияния на сельское расселение реформы муниципальных образований. Третья секция была посвящена природному капиталу и социальным аспектам менеджмента окружающей среды. На ней прозвучали как общие доклады о современных тенденциях координации деятельности природоохранных организаций и интеграции экономических и экологических интересов, так и конкретные выступления об экологических рисках и социально-экономических последствиях возможного создания целлюлозно-бумажного комбината в Костромской области; о проблемах лесопромышленных городов Европейского Севера и др. Доклады на пленарном заседании охватывали широкий круг проблем – от меняющихся векторов социальной гравитации (российский мегаполис и северное село) современного *homo-mibilis* до сегрегации местного общества как объекта муниципального управления.

Всего было сделано 50 научных докладов, показан документальный фильм «Две жизни Нечерноземной глубинки» (авторы Т.Г. Нефедова и В.Н. Иванов), снятый в Угорском поселении в 2011 г. Выступали и местные жители; они рассказывали о своих проблемах, отвечали на вопросы научной аудитории.

Налицо возникновение «снизу», от конкретного научного интереса и потребностей самих исследователей кластерного научного центра новой генерации. Подобный центр не требует больших инвестиций и сложной инфраструктуры из «стекла и бетона». Он «играет» на других струнах. А именно на создании уникальной нравственно-психологической, очищающей атмосферы для научного общения в прямом контакте с природной средой, но с использованием всех достижений современной постиндустриальной цивилизации, включая, прежде всего, инфокоммуникации, транспортную доступность, требования современного обустройства быта. Симбиоз всех этих структурных компонентов позволяет предполагать, что Угорский проект успешно продолжит свою работу и в будущем.

Заключение

Очевидно, что потенциал Костромской области и Мантуровского района, а также всего российского Севера огромен. Учитывая усиливающийся интерес горожан к такого рода районам, можно с известной долей условности сказать, что в перспективе Мантуровский и соседние районы Костромской области превратятся в дальнюю периферию Московского мегалополиса. Для экономической оценки этих функций можно использовать различный экономический инструментарий. В частности, перспективен подход «готовность платить», тесно связанный с социологическими исследованиями. По экспертным оценкам, в Угорском сельском административном округе Мантуровского района Костромской области сезонная «маятниковая» миграция составляет 30–50% от численности населения округа. Эти приезжие ежегодно тратят сотни тысяч рублей (покупка, строительство и поддержание домов, покупка продовольствия и товаров, транспортные расходы и пр.) для удовлетворения своих потребностей в рекреационных и «духовных» услугах природы, поддержания здоровья и пр. То есть сохранение природы и ее «несельскохозяйственные» функции имеют реальную и очень высокую экономическую оценку.

Таким образом, глобализационные процессы вызывают к жизни достаточно неожиданные и экономически нетрадиционные формы экономики и социальной структуры. Речь идет о том, что ресурсы дикой природы, ландшафта и экологической качественной среды в ближайшей и особенно отдаленной перспективе оказываются более выгодными экономически и, следовательно, социально, чем традиционное сельское хозяйство и лесодобыча. Сбор и переработка грибов и ягод, дачная рекреация, экологический туризм, рекреационная охота и рыболовство, санаторное обслуживание, фокальное экологически чистое сельскохозяйственное производство и аналогичные формы деятельности оказываются чрезвычайно востребованными и экономически выгодными «очагами» новой экономики. В свою очередь они формируют и социальную структуру, включая трудовые ресурсы, поселения, транспорт, культуру и т.д. Подобная очаговая экономика и социальная структура опираются на систематическую и, что особенно важно, саморегулирующуюся природоохранную деятельность (ибо она становится крайне экономически насущной и выгодной), привлечение высокообразованных кадров, воссоздание сельского хозяйства, ориентирующегося на потребности очаговой экономики, а не отдаленные рынки сбыта. Главное, чтобы федеральные и региональные власти не уничтожали на корню эти новые постиндустриальные ростки путем свертывания минимально необходимой им инфраструктуры, включая дороги.

Исследование «клеточной глобализации» сельских поселений этого региона показало, что проявление, «проступание» глобализации в отдаленных регионах Севера уже имеет место, притом во все усиливающемся темпе.

Список литературы

1. Бобылев С.Н., Палт М.В., Шелест А.С. Ландшафтный капитал и экологический туризм // Угорский проект: Экология и люди Ближнего Севера / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 10–26.
2. Гунько М.С. Экологические и социально-экономические аспекты строительства ЦБК в Мантуровском районе Костромской области // Настоящее и будущее Ближнего Севера: Экономика, экология, сообщества / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2012. – С. 192–208.

3. Дроздов А.В. Потенциал эколого-культурного туризма в долине Унжи // Настоящее и будущее Ближнего Севера: Экономика, экология, сообщества / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2012. – С. 208–226.
4. Дроздов А.В. Экологический туризм: Концепции и практика // Угорский проект: Экология и люди Ближнего Севера / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 26–56.
5. Нефедова Т.Г. Две жизни современной нечерноземной глубинки // Настоящее и будущее Ближнего Севера: Экономика, экология, сообщества / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2012. – С. 106–135.
6. Нефедова Т.Г. Костромская периферия в фокусе проблем периферийных районов России // Северное село: Традиции и инновации / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2010. – С. 40–69.
7. Нефедова Т.Г. Предыстория и возможное будущее проектов ЦБК в Костромской области // Угорский проект: Экология и люди Ближнего Севера / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 143–148.
8. Нефедова Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: Экология и люди Ближнего Севера / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 98–120.
9. Покровский Н.Е. Настоящее и будущее северной стороны // Настоящее и будущее Ближнего Севера: Экономика, экология, сообщества / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2012. – С. 5–15.
10. Покровский Н.Е. Российский Север: Что в будущем? // Перспективы российского Севера / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2007. – С. 19–65.
11. Покровский Н.Е. Северная Атлантида, исчезающая и возрождающаяся // Угорский проект: Экология и люди Ближнего Севера / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 5–10.
12. Покровский Н.Е. Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России: Теоретические и прикладные аспекты: Введение // Город и село в современной России: Перспектива структурного воссоединения / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2004. – С. 4–41.

Угорский проект – ключ к пониманию нечерноземной глубинки

Т.Г. Нефедова

Всем, кто ездил по нечерноземной России, хорошо известно, что по мере удаления от крупного города окружающие ландшафты заметно меняются. Пригородные коттеджи и дачи редеют. Постепенно мельчают селения и поля, их место занимают леса. Вдоль дорог еще встречаются крупные села, но чуть в стороне многие деревни вымирают зимой, а летом заполняются разве что городскими дачниками. От колхозных построек зачастую остались лишь руины: остовы бывших ферм, брошенная техника. И в деревнях, и на подъезде к ним за пределами основных трасс – разбитые и часто непроезжие дороги.

Специфика Нечерноземья

Проблемы этих районов проявились уже с 1970-х годов, когда увеличение вложений в сельское хозяйство на большей части территории Нечерноземья перестало давать адекватную отдачу [5]. Наиболее ярко они высветились сейчас потому, что в новых экономических условиях государство перестало поддерживать в них неэффективное производство. В отличие от западных стран, где сельское хозяйство приспособилось к уменьшающемуся сельскому населению, сокращая посевные площади и наращивая на оставшихся производительность труда, в России под строгим партийным контролем и с огромными дотациями посевные площади и поголовье скота удерживали во всех районах Нечерноземья. Даже тогда, когда поля некому было убирать, а скот был болен или его нечем было кормить. *Фактически мы имеем дело с неумением признавать существование объективных природных и – особенно – социальных ограничений и меняться адекватно изменившимся условиям.*

Наибольшее сжатие посевов в последние 20 лет характерно для льна и зерновых культур. *Даже животноводство «уходит» из Нечерноземных регионов, несмотря на обилие трав, в том числе на зарастающих полях,* и частично восстанавливается в зерновых районах Юга России. Большая часть предприятий в Нечерноземье убыточна. Но и фермеров в таких районах немного, разве что отдельные мигранты-энтузиасты из других регионов и стран СНГ. Особая социальная среда, необустроенность деревень и нечерноземное бездорожье осложняют проживание и любую деятельность. Недаром, если животноводство и восстанавливается в Нечерноземье, это происходит чаще в пригородах, хотя и имеющих дефицит земель, но лучше сохранивших трудовой потенциал.

Ликвидация леспромхозов и переход к частным компаниям значительно сократили потребность в занятых и в лесозаготовках. Вместе с кризисом агропредприятий это привело к высвобождению значительного числа работников, которые при отсутствии других мест наемного труда и слабой предпринимательской активности не смогли найти себе занятие в сельской местности и в малых городах.

Костромская область: Контрасты «пригород – периферия»

Располагаясь на волжском пути, Кострома испытала экономический подъем в XVI–XVIII вв. В XIX в. здесь была развита фабричная индустрия и перерабатывалась почти треть российского льна, от которого голубели окружающие поля. Тем не менее современная лесистость велика – 74%, Костромская область входит в зону южной тайги.

Для области характерна очень сильная депопуляция сельского населения. В 2010 г. в ней осталось 36% от численности населения 1959 г. В советское время при положительном естественном приросте население убывало в основном за счет сильного миграционного оттока в города и другие регионы. И даже за последние восемь лет (с 2002 по 2010 г.) потери сельского населения составили 16% (к миграционному оттоку добавилось превышение смертности над рождаемостью). Область всегда входила в зону так называемого мелкоселенного расселения с относительно небольшими деревнями.

Для современной Костромской области характерны ориентация преимущественно на низовые звенья сельского и лесного хозяйства и низкая инвестиционная привлекательность. Кострома с ее 270 тыс. жителей заметно уступает по населению столицам соседних регионов: Ярославлю (606 тыс.), Иваново (404 тыс.) и др. Помимо столицы в области нет больших городов. Самый крупный – Шарья на востоке области (удаленный от региональной столицы на 260 км), хотя и он в 7 раз меньше Костромы.

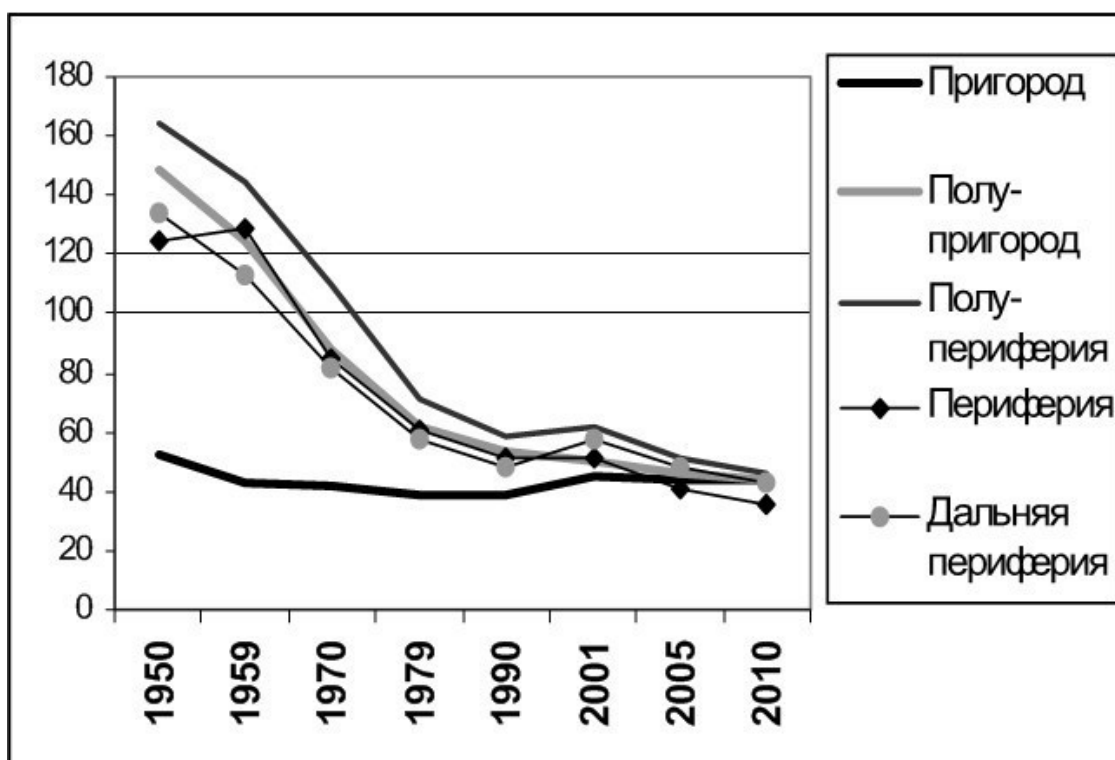
Сельское хозяйство дает 17% валового регионального продукта области [13], что значительно больше, чем в среднем по России, несмотря на положение области на севере Нечерноземья. И хотя доля сельскохозяйственных угодий сравнительно невелика (16%), в сельском хозяйстве только на крупных и средних предприятиях области в 2011 г. работали около 20% всех занятых сельских жителей.

Сельскохозяйственные земли убывали в течение всего XX в.: с 1530 тыс. га в 1897 г. до 1030 тыс. га в 1990 г. и немногим более 400 тыс. га – в 2010 г. Но сокращение шло за счет сенокосов и пастбищ. Пашня до 1990 г. поддерживалась, а посевная даже расширялась. За последние 20 лет *в Костромской области было выведено из оборота 460 тыс. га, или 64% пашни 1990 г.* Большая ее часть постепенно зарастает лесом.

И прежде население максимально концентрировалось вдоль Волги и вблизи Костромы на юго-западе Костромской губернии. В 1897 г. плотность сельского населения в Костромском уезде составляла 33 человека на 1 км², в соседнем Нерехтском к югу от Костромы – 42, в Буйском и Галичском к северо-востоку – 25, в остальных уездах колебалась от 13 до 15 человек / км² [2]. Сейчас плотность сельского населения в пригородном районе – 22 человека на 1 км², в соседних районах – уже 6–10, а на периферии области – 2–3 человека.

*Только в пригородном Костромском районе с 1959 г. почти не изменилась численность сельского населения (рис. 1), в то время как во всех остальных районах его осталось менее трети*¹¹. В некоторых районах на периферии области с начала XX в. численность сельского населения уменьшилась почти на порядок, а с 1959 г. – в 4–5 раз.

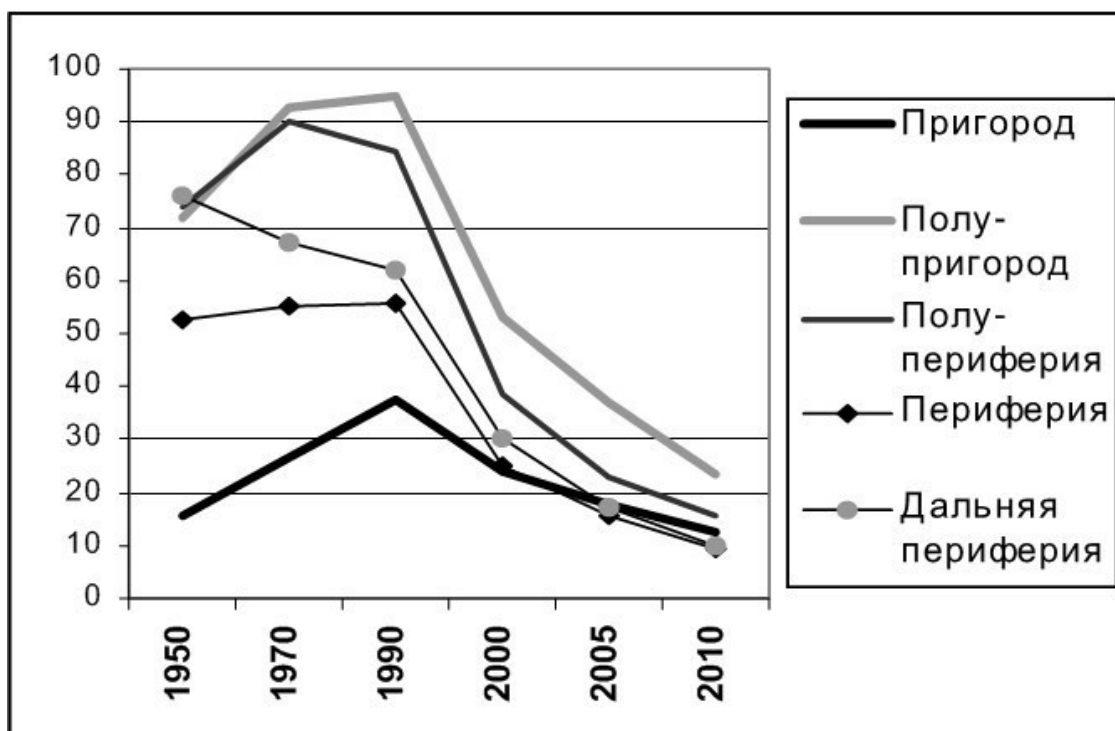
¹¹ Если сгруппировать все 24 административных района Костромской области в порядке соседства с областной столицей (единственным городом с населением более 100 тыс. жителей), то можно выделить **пригород** – Костромской район. Затем идут соседи Костромского района, т.е. соседи столицы 2-го порядка; их можно назвать **полупригородом**. Соседи 3-го и 4-го порядка – **полупериферия**, 5–6-го порядка – **периферия**. И наконец, из-за эксцентриситета областной столицы на юго-западе региона здесь есть и соседи 7–9-го порядка, которые можно назвать **дальней периферией** (рис. 1).

Расчеты автора по: [4; 8], а также по архивным данным.

Рис. 1.

Численность сельского населения Костромской области по зонам удаленности от Костромы с 1950 по 2010 г., тыс. человек

Расчеты автора по: [4; 8], а также по архивным данным.

Рис. 2.

Поголовье крупного рогатого скота в зонах разной удаленности от Костромы с 1950 по 2010 г., тыс. голов

Градиенты перепадов плотности населения достигают 10 раз и сложились задолго до 1990 г., усилившись в последние десятилетия. При такой убыли сельского населения посевную площадь до 1990 г. пытались расширять даже на периферии. Но поголовье скота кроме пригородов и полупригородов начало уменьшаться при социализме (рис. 2).

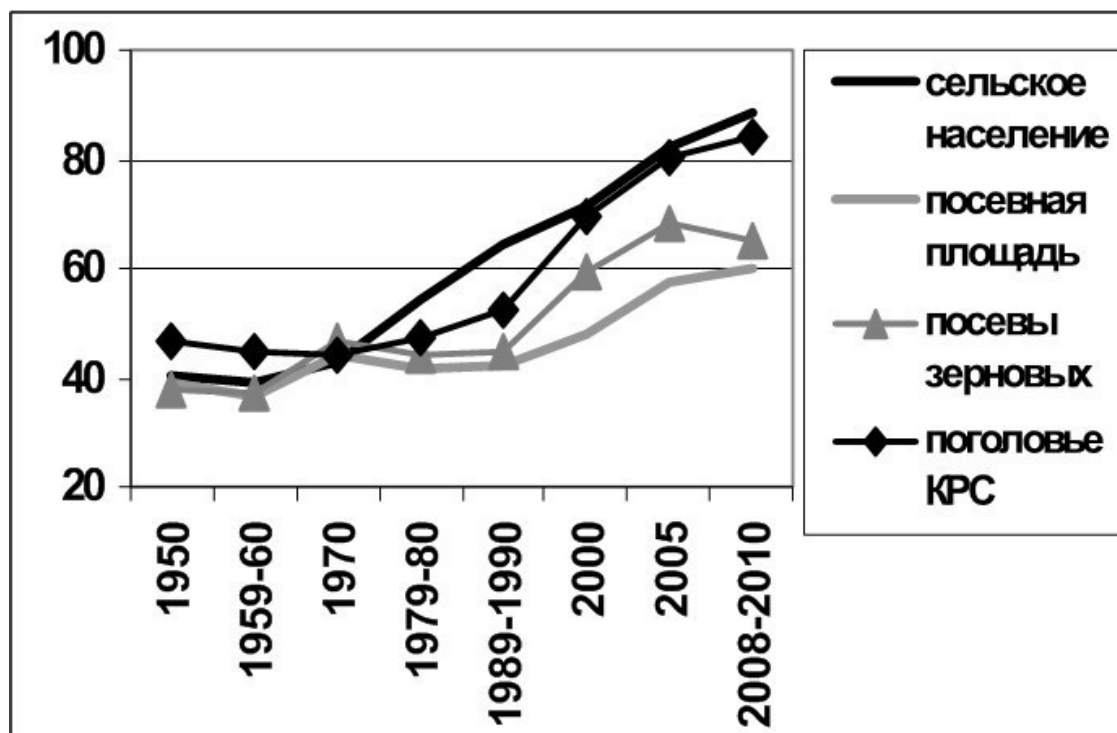

Рис. 3.

Изменение коэффициента пространственной вариации¹² сельского населения и некоторых показателей сельского хозяйства в Костромской области с 1950 по 2010 г.

Резкий рост пространственной вариации сельского населения за счет его оттока из удаленных районов начался в послевоенные годы и на первых порах сопровождался адекватной поляризацией хозяйственной деятельности (рис. 3). Однако в 1970–1990 гг. *рост коэффициента пространственной вариации населения сильно опережал соответствующие коэффициенты вариации хозяйственных показателей, что и привело при отсутствии соответствующих адаптационных механизмов к тяжелой депрессии сельского хозяйства (несмотря на большие дотации)*, особенно в периферийных районах. Результаты сельскохозяйственной деятельности напрямую связаны не только с нехваткой трудовых ресурсов, но и с состоянием социальной среды. Еще в советское время надой молока от одной коровы вблизи Костромы были намного выше, чем на периферии (рис. 4). В 1990-х годах в результате кризиса продуктивность снизилась всюду, но общий экономический рельеф от пригородов к периферии сохранился. В 2000-х годах надой молока выросли, но при этом общий градиент усилился.

¹² Коэффициент вариации рассчитывался как частное от деления стандартного отклонения показателей по административным районам к среднему значению по региону.

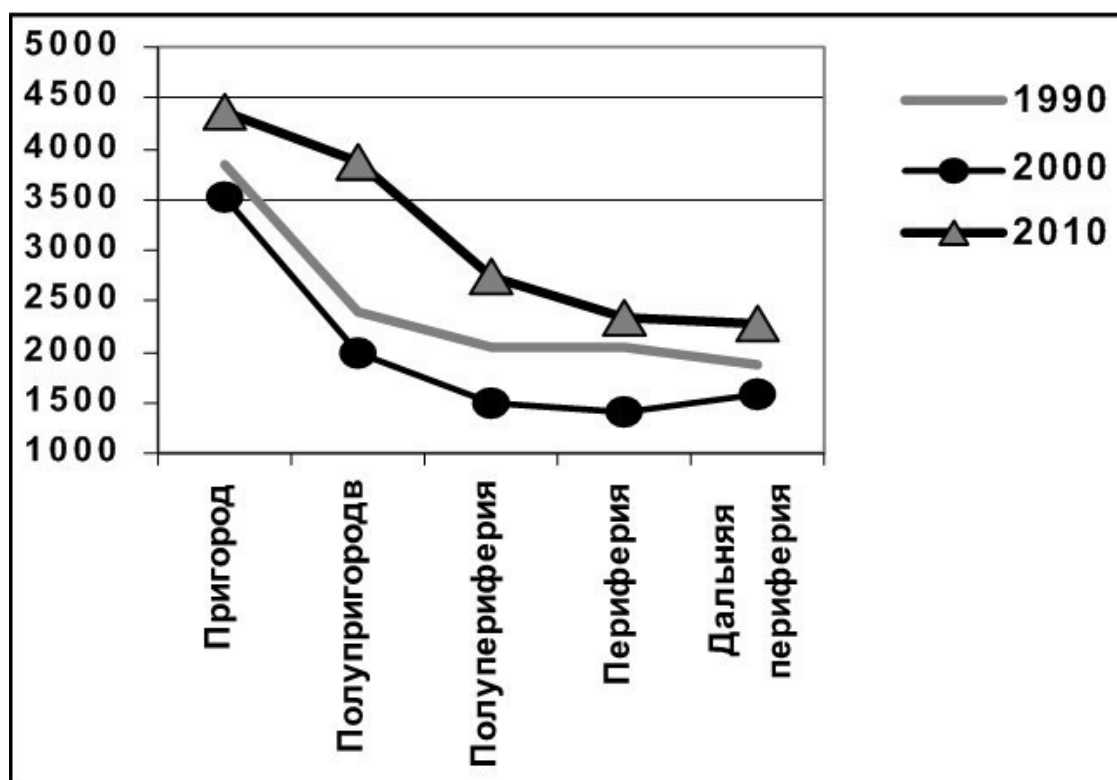

Рис. 4.

Надой молока от одной коровы в 1990, 2000 и 2010 гг. в Костромской области в зонах разной удаленности от Костромы, кг в год

Таким образом, как и в других регионах Нечерноземья, *собственно географические факторы структуризации сельского пространства области, т.е. положение на оси «пригород – периферия»*, оказались для ее сельской местности куда важнее политических, институциональных и общеэкономических факторов. Территориальные структуры на данном масштабном уровне оказываются очень устойчивыми, контрасты становятся даже более явными под ветром перемен.

Процессы, протекающие в Костромской области, характерны для большинства регионов Нечерноземья. Однако меньшая величина столицы области по сравнению с другими регионами и ее западный эксцентриситет обостряют проблемы ее периферии. Если считать только удаленные районы, то к периферии можно отнести 55% территории Костромской области. Если же считать все районы за пределами пригорода и полупригорода (т.е. за пределами более активных районов-соседей 1-го и 2-го порядка к столице области), то их площадь составит 83% территории, или 50 тыс. км². На этой территории живет 60% сельского населения области, или более 130 тыс. человек, находится более 2300 сельских населенных пунктов. Из них 565 деревень уже не имеют местного населения (хотя и продолжают числиться населенными пунктами), и в 850 деревнях живут менее 10 человек, т.е. они тоже вскоре лишатся постоянного населения. Да и для 460 деревень с населением от 10 до 50 человек многие описанные в этой главе социально-экономические проблемы весьма актуальны.

Периферия Нечерноземья на районном уровне

Рассмотрим более подробно специфику депрессивных сельских территорий Нечерноземья на примере периферийного района. Мантуровский район Костромской области служит полигоном исследований по Угорскому проекту. Он расположен в 230–260 км от Костромы

на реке Унже, притоке Волги (центр района – город Мантурово с 16 тыс. жителей – отдельное муниципальное образование). Это пример российской глубинки, равноудаленной от больших городов на 250–300 км, от Москвы – на 550–600 км. Именно о ней чаще всего «плачут» российские «деревенщики» и средства массовой информации как о теряемой «исконной» России и ее умирающей сельской местности.

В Мантуровском районе освоена лишь узкая полоса земли вдоль высокого и лучше дренированного левого берега реки Унжи, где издавна шел Вятский тракт, на который и были «нанизаны» деревни. Вдоль них в советское время почти непрерывной полосой тянулись распаханые поля. Немного в стороне, но недалеко от деревень прошла новая федеральная трасса Кострома – Киров. Горожанам эта местность представляется почти сплошной темной тайгой. Зимой отчасти так и есть (недаром в деревнях средний возраст собак – 3–4 года, их съедают зимой волки, приходящие из тайги за Унжей по льду). Но на правом высоком песчаном берегу вдоль Унжи леса были почти полностью сведены, за исключением небольших лишайниковых сосновых боров. Поэтому летом открытые прежде распаханые пространства с высокой давно некошенной травой, в которой теряются островки нового лесного подроста и яркое солнце (дожди обходят эти места, выливаясь над лесом за Унжей), создают ощущение юга и напоминают скорее лесостепные ландшафты.

В сельском хозяйстве района в 2010 г. было занято 36% всех официально работающих, в промышленности – 20%. Основную, хотя и небольшую, прибыль району дает все-таки промышленное производство, 87% которого – лесозаготовки и лесопереработка. Остальные работники заняты в бюджетной сфере, в том числе в образовании – 22%.

Играя важную роль в социально-экономическом функционировании района, его лесопромышленный комплекс, несмотря на повышенную лесистость, не обладает конкурентными преимуществами из-за удаленности и истощения лесосырьевых ресурсов. Крупное лесозаготовительное предприятие «МантуровоЛес» распалось в 1990-х годах на небольшие предприятия, поставляющие древесину на фанерный завод г. Мантурово (кроме того, завод собирает древесину и с более северных районов области). В соседнем Шарьинском районе в результате прямых инвестиций зарубежный концерн «Кроно Свисс Групп» построил в 2002 г. новый завод, производящий древесно-стружечные плиты и составивший конкуренцию местному лесному комплексу.

В результате в наихудшем положении оказались даже не сельскохозяйственные населенные пункты района недалеко от трассы Кострома – Киров, где население к тому же может продавать грибы-ягоды на трассе, в ближайших малых городах и дачникам, а удаленные лесопромышленные поселки, которые катастрофически теряют население.

В Мантуровском районе все еще работают девять сельскохозяйственных производственных кооперативов (СПК), один колхоз, одно муниципальное унитарное сельскохозяйственное предприятие (МУП), птицефабрика, два потребительских кооператива и всего три фермерских хозяйства. На агропредприятиях заняты от 13 до 70 человек (в советское время это были колхозы с 100–300 занятыми). В последние годы кое-как сводили концы только четыре предприятия. Остальные имеют огромные долги и почти свернули деятельность. *Но их никто не банкротит. Они просто никому не нужны.*

Локальный уровень: Первая, местная жизнь глубинки

В Угорском поселении¹³ на южной окраине Мантуровского района¹⁴ в результате катастрофической убыли сельского населения к 2011 г. оставалось 12% его максимального числа в

¹³ В 2012 г. Угорское поселение было объединено с соседним Леонтьевским поселением.

¹⁴ Автор благодарна Администрации поселения и Горбачевой Л.Н. за помощь в сборе материалов.

1926 г. При этом 62% было сконцентрировано в центре Угорского поселения – деревне Угоры. Еще две деревни имеют около 30 жителей, остальные – по 10 и менее человек. Всего в поселении числилось около 300 человек, и это не так мало. Но половину всего населения составляют люди пенсионного возраста (рис. 5), в малых деревнях их большинство.

При таких потерях трудоспособного населения до 1980-х годов происходило расширение обрабатываемых земель. Это привело к тому, что колхоз, в 1970-х годах вполне успешный благодаря сильному руководителю (о нем вспоминают до сих пор) и огромным дотациям, начал испытывать трудности уже в начале 1980-х годов. В 2011 г. засевалось овсом всего два поля на корм оставшемуся скоту, общей площадью 170 га из 1367 га числящейся за СПК пашни. Есть еще несколько полей под давно не подсеваемыми многолетними травами. Большая часть лугов и полей никем не востребованы и зарастают лесом. Вопреки опасениям, никто не стремится их «захватить». До введения в 2007 г. нового Лесного кодекса часть убытков от сельского хозяйства компенсировала продажа леса, хотя получал бесплатно СПК преимущественно низкокачественные леса. Теперь такая категория, как колхозные леса, исчезла, по новому Лесному кодексу он вынужден платить за аренду леса на общих основаниях. Долги предприятия растут.

Рис. 5.
Социально-экономическая структура населения Угорского сельского поселения в 2011 г.

Рис. 6.

Современная структура занятости по отраслям в Угорском сельском поселении в 2011 г.

Более чем половина прописанного в Угорском поселении трудоспособного населения в 2011 г. не работала в поселении: 23% трудоспособных постоянно работали или учились в городах (Мантурово, Костроме, Москве), 30% считались безработными (рис. 5), хотя на учете в службе занятости района стояли всего 5% трудоспособного населения. Все эти данные о доле реально обрабатываемых земель и о доле незанятых, полученные путем обследования на месте, говорят о низком качестве официальной статистики землепользования и занятости. Часть реально безработных время от времени подрабатывали на отходе, чаще в Москве и Московской области. Среди безработных преобладали люди от 30 до 50 лет (17 человек, в том числе 13 мужчин) и старше 50 лет (15 человек, в том числе 12 мужчин). Положение последних практически безнадежно, так как мобильность в таком возрасте понижена. Вместе с частью пенсионеров и более молодых безработных они формируют группу страдающих тяжелым алкоголизмом.

Таким образом, *о количественном дефиците трудовых ресурсов говорить не приходится. Даже в таких глубинных депопулировавших районах имеет место количественный избыток населения в сельской местности при недостатке рабочих мест. Но эти рабочие места не появляются из-за институциональных и бюрократических ограничений, конкуренции городских вакансий и качества местной рабочей силы. Получается замкнутый круг.*

Однако для тех, кто работает, условия жизни в деревне также сложны. Половина всех занятых – это социальная сфера (администрация, школа, клуб, библиотека и т.п.), зарплата там колебалась в 2011 г. от 2,5 до 7–8 тыс. руб. У школьных учителей она зависит от нагрузки (которая невелика при 24 учениках средней школы), категории, надбавок. В сельскохозяйственном кооперативе формально заняты 13 человек (рис. 6.). Но фактически на поле работал сам председатель и 2–3 надежных работника. Еще есть доярки на оставшихся несколько десятков голов скота. В пастухи обычно идут менее надежные пьющие работники, а скот часто разбредается по окрестным деревням, поедая заготовленное сено и овощи на огородах. Зарботки в СПК составляют от 3 до 7 тыс. руб., часто деньги выплачиваются с задержкой. Чуть лучше зарботки у «тружеников леса», особенно в период заготовок древесины. А самые стабильные деньги – у пенсионеров (7–8 тыс. руб., иногда более). Многие безработные, не имеющие шансов когда-либо получить работу, годами живут на пенсии стариков. Но есть среди формально безработных и работающие мужики, которые из-за низких зарплат предпочитают подрабатывать сдельно летом у дачников и собирать на продажу ягоды, в остальное время часть из них на отходе. Местные предприниматели – это собственники магазина, ларька, автолавки. И еще пять человек взяли ссуду на развитие личного сельского хозяйства (на все поселение осталось пять коров в частном секторе, есть несколько поросят; двое держат кроликов). Это костяк людей, готовых и умеющих работать.

В 2008 г. с помощью студентов проводилось анкетирование местного населения в Угорском и соседнем Леонтьевском поселениях с большой выборкой, составлявшей 20% домохозяйств [11]. Анкета включала несколько блоков: 1 – о доме и его жителях; 2 – о личном хозяйстве, его ведении и отношении к колхозу; 3 – об использовании природы; 4 – о взаимоотношении города и деревни (наличие детей в городах, частота их приезда, частота поездок в города, отношение к дачникам и т.п.); 5 – об организации сельской жизни и мерах по ее обустройству.

Опросы и данные местной администрации показали, что переход населения к частному хозяйству даже при кризисе колхозов в таких районах проблематичен. Большинство населения уменьшило производство продукции в своем хозяйстве (рис. 7). *Три фермерских хозяйства на весь Мантуровский район организованы приезжими.* Товарность же местных личных хозяйств населения очень низка. Лишь 14% домохозяйств готовы к товарному производству, если им

оказать ту или иную помощь (рис. 8). *Надежды на переход в нечерноземной глубинке от крупных предприятий к мелким оказались иллюзией (даже при поддержке государства, которая в настоящее время недостаточна). Местное население не продуцирует из своей среды мелких предпринимателей в сельском хозяйстве (редкие предприниматели, в основном, в торговле) и настороженно относится к приезжим. Но считает, что жить стали хуже, лишь половина опрошенных (рис. 9). Четверть домохозяйств даже нашли преимущества в новых условиях; обычно это те, кто работает на дачников, или пенсионеры, чьи дети оказались успешны в городах.*

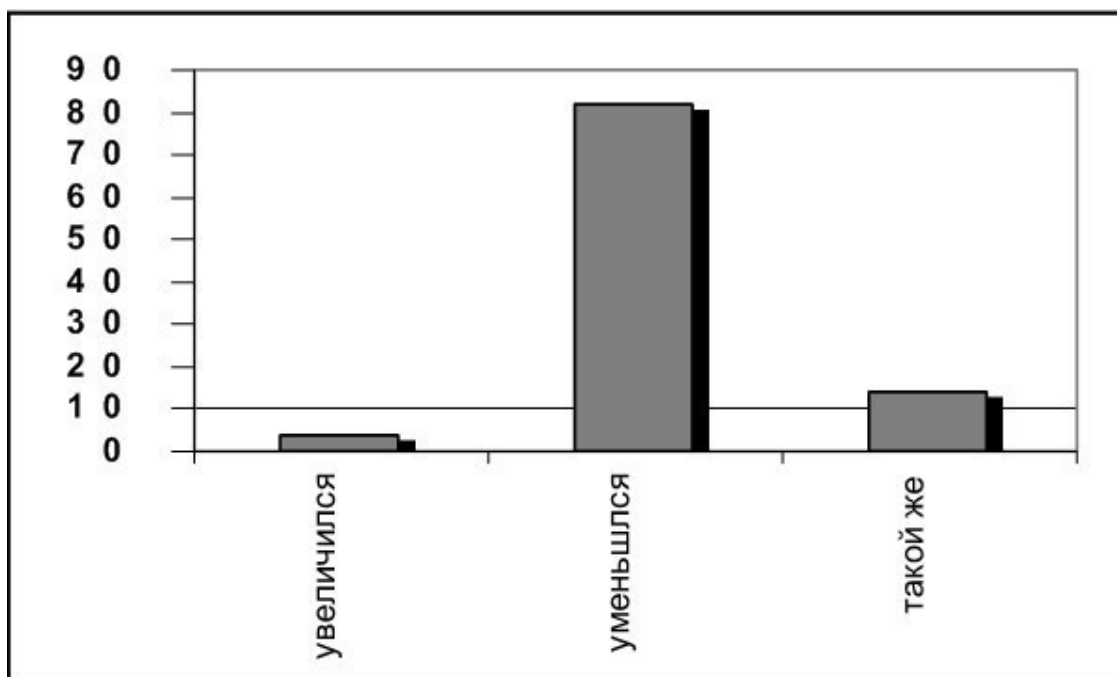

Рис. 7.

Изменение объема продукции своего хозяйства в 2008 г. по сравнению с 1990 г., % ответивших

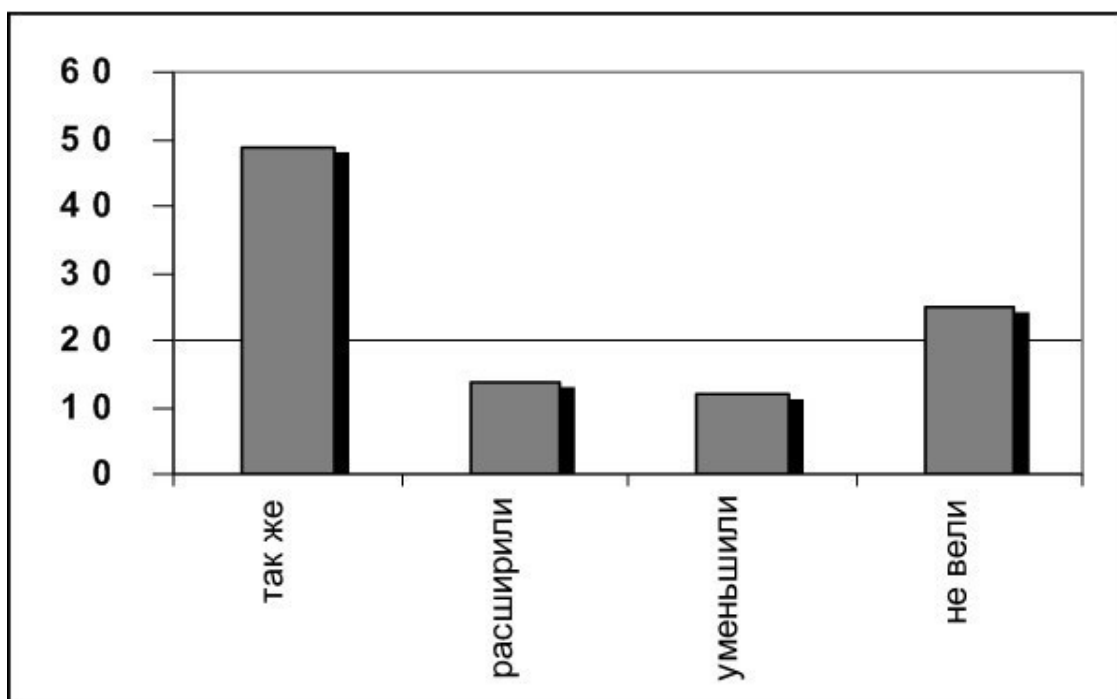

Рис. 8.

Как бы местные жители вели хозяйство при гипотетическом увеличении иных доходов, % ответивших

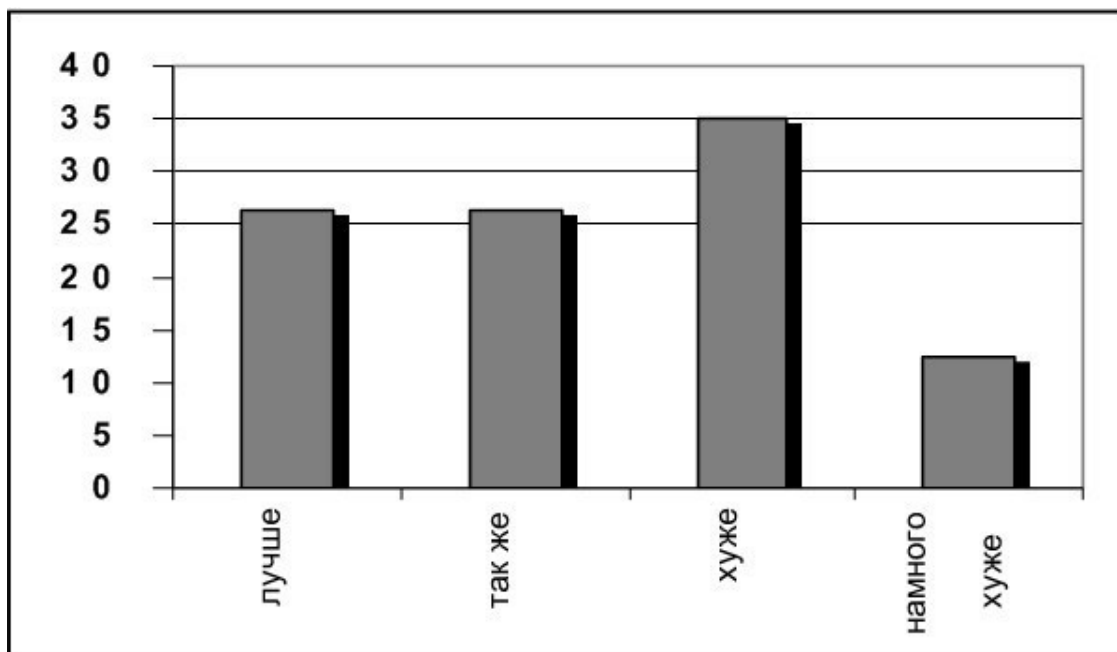

Рис. 9.

Жить местные жители стали..., в %

Низкий уровень предпринимательского потенциала местных жителей особенно резко контрастирует с обилием земли. Кроме относительно больших приусадебных участков и возможности выпасать скот на заброшенных землях колхоза, половина опрошенных номинально имеет земельный пай 6–7 га. Используют часть этого пая под картошку только четыре человека. Остальные передали пай в СПК. Положенную за аренду паев населения плату никто от колхоза, который дышит на ладан, не получает. Тем не менее со второй половины 2000-х годов с жителей стали требовать налог на собственность за эту виртуальную землю (500–600 руб.), что вызывает их справедливое возмущение.

Ориентация сельского населения на города ярко выражена. На вопрос «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети жили в городе?» отрицательно ответили лишь 15% опрошенных. Причем для них самих, особенно для пенсионеров, городская жизнь не кажется привлекательной, около 80% не хотели бы переехать в город, но для своих детей они желают иной жизни.

Локальный уровень – вторая, дачная, жизнь глубинки

Импульс сохранения многих территорий в нечерноземной глубинке исходит из крупных мегаполисов и связан с дачным реосвоением территории. *Феномен дальней дачи в удаленной деревне получает все большее распространение среди москвичей.*

Дачниками считалось население, в основном из крупных городов, купившее или унаследовавшее в этих местах дома. В то же время к 75% местных респондентов по несколько раз в год приезжают их городские дети, привозят на лето внуков. По существу они тоже являются дачниками. Однако если дом не перешел в собственность горожанина и записан на жителя деревни, он при анкетировании рассматривался в группе домохозяйств местных жителей, а связи с городскими родственниками исследовались отдельно.

Помимо местных жителей, в Угорском и Леонтьевском сельских поселениях опрашивались и все наличные на тот момент (август 2008 г.) *городские дачники, составляющие в разных деревнях от 30 до 90% собственников домохозяйств* (см. табл.). Несмотря на удаленность от Москвы, дачники есть во всех живых деревнях. Чем меньше местных жителей в деревне, тем больше доля домов, купленных горожанами. Есть опустевшие деревни. Там тоже прежде были дачники. Но когда не осталось местных жителей, дома зимой начали полностью разорять и разбирать по частям. *Жизнь дачников без местных жителей в таких удаленных местах невозможна, эти два сообщества тесно связаны и зависимы друг от друга.*

Дачное сообщество в отдаленной глубинке начало формироваться с 1970–1980-х годов стихийно. Дачный бум фиксируется с середины 1990-х и в 2000-х годах. Преобладают горожане среднего и старшего возраста, среднего достатка и в основном интеллектуальных профессий, что отчасти связано с их вкусами, а также с относительно свободным трудовым режимом. Причем поначалу было характерно формирование профессиональных кластеров: деревни ученых, деревни художников, деревни журналистов, деревни учителей и т.п. Впоследствии узкая профессиональность размывалась. Проведенные опросы показали, что около 85% дачников даже при таком удалении от Москвы – москвичи [11]. Есть несколько петербуржцев и костромичей (в основном, наследники домов). Многие молодые и средневозрастные жители местного районного центра Мантурово приезжают в свои родовые дома к родителям в выходные и в отпуск. Однако после смерти родителей они часто продают дом в деревне, так как живут почти в таком же деревянном доме в городе Мантурово.

Таблица

Земельные участки, принадлежащие местным жителям и дачникам в Угорском сельском поселении в 2007 г.

	Земельные участки в собственности, число		Доля дачников среди собственников земли, %
	местные	дачники	
Угоры	99	46	32
Давыдово	16	14	47
Медведево	4	15	79
Хлябишино	31	20	39
Дмитриево	1	12	92
Зашильское	5	12	71
Бажино	0	7	100
Полома	4	12	75
Ступино	1	10	91
Всего	175	161	48

Источник: данные поселковой администрации

Московские дачники в этом месте не строят новые дома, а покупают относительно крепкие деревенские. По архитектуре они относятся к типу домов Русского Севера – на высоких подклетах со скотным, ныне пустующим двором внизу и огромным сеновалом наверху под одной крышей с жилой частью. Их средняя общая площадь, включая жилую и хозяйственную часть, – 100–150 м². Многие дома, если хозяева покинули их недавно, хорошо сохранились. Как правило, внешний вид дома горожане не меняют, поэтому деревни даже при смене населения имеют традиционный облик.

Однако в преобразовании дачниками интерьера домов четко выявляются две стратегии. Большинство горожан осуществляют минимальные преобразования, почистив и слегка обновив деревенский интерьер. Некоторые собирают предметы крестьянской материальной куль-

туры, сохранившиеся в доме, и даже создают мини-музеи. Другая стратегия горожан связана с постепенным созданием в деревенских домах также без изменения их внешнего облика подобия городских условий: местная канализация и водопровод, внутреннее убранство с новой мебелью, скорее напоминающее подмосковную дачу, чем деревенский дом. Некоторые дачники преобразовывают и бывший хлев в жилые или подсобные помещения, а обширные сеновалы – в залы.

Тем не менее внешне отличить дачу от дома местного жителя можно разве что по огородам. Дачники, как правило, сельским хозяйством не занимаются, кроме кошения травы на тех приусадебных участках, которые прилагаются к дому, и посадки декоративных растений. Земельные паи местных жителей горожане не скупают: и на приусадебном участке, занимающем здесь от 50 соток до 1 гектара, не управиться. Горожане приезжают один-два раза в год на сроки от недели до нескольких месяцев. Дорога на машине от Москвы занимает 8–9 часов, поездом – ночь. Некоторые пенсионеры живут все лето. Дачники занимаются заготовками грибов и ягод, ловят рыбу в реке. Многие продолжают в деревне заниматься своим профессиональным делом. Но основное занятие – благоустройство деревенского дома.

Взаимоотношения с местным сообществом разные и зависят от размера деревни. Если в ней остались только бабушки, то они, как правило, начинают опекать москвичей и сами сильно от них зависят (в том числе для передвижения в другие деревни, в церковь, в город), так как большинство дачников приезжают на машинах. Зимой они присматривают за домами горожан. В более крупных деревнях отношения местных и дачников сложнее, последних недолюбливают. О жизни дачников в городах местные жители имеют очень смутное представление и не очень этим интересуются. Зато все, что делают горожане по обустройству домов, вызывает сильный интерес.

Опросы местного населения показали, что отношение к московским дачникам у него в основном положительное (61%). Никто не ответил отрицательно. Остальным просто все равно. Главным достоинством приехавших горожан они считают то, что те поддерживают и облагораживают дома, тем самым сохраняя деревни, иначе бы их просто разорили (так считает треть опрошенного местного населения). Каждый четвертый ценит общение с приезжими: «Приятные люди, стало веселее». Лишь 3% отметили дачников как покупателей продукции или работодателей. Очевидно, что преобладает отношение не тактически-потребительское, а дружеское с элементами стратегического подхода. Всего два человека отметили, что их не устраивает то, что дачники собирают грибы и ягоды, составляя им конкуренцию.

И все же дачники чувствуют себя своеобразной диаспорой и стараются поддерживать друг друга даже в разных деревнях, формируя новую социальную среду. Они ведут иной образ жизни, и им трудно вписаться в местное сообщество, хотя есть примеры дружеских отношений и бескорыстной взаимопомощи между дачниками и местными. Но чаще отдельные местные жители подрабатывают у дачников при ремонте домов. Однако найти работников не просто. При высокой безработице желающих плотничать, косить траву и т.п. – единицы. В летний сезон у дачников они нарасхват, многие оставляют им заказы и на зиму. Именно дачники способствуют тому, что последние работающие мужики пока еще не уезжают из деревни. Некоторые местные жители продают дачникам картошку, овощи. Прежде было много молока, творога. При увеличении числа дачников в летние месяцы и малочисленности оставшихся у местных коров молока уже не хватает.

Особая категория москвичей – те, кто остается зимовать в деревне (сохраняя и московскую квартиру). На все поселение при большом количестве дачников таких примеров пока единицы. В основном это интеллигенция пенсионного или предпенсионного возраста. Основные мотивы либо идеологические (опробовав несколько профессий, люди приходят к убеждению, что жизнь в деревне и крестьянский труд – это самое правильное), либо прагматические (смена обстановки при уходе на пенсию, более дешевая жизнь в деревне и т.п.). Но так или

иначе, это люди, сохранившие романтизм, тягу к природе, тишине, в основном, творческие, хотя творчество может проявляться в разных ипостасях. Их опыт показал, что даже в таком случае вписаться горожанину в местное сообщество очень трудно. Привитая городской средой активная позиция и творческий потенциал москвичей встречают глухое сопротивление местных жителей, даже если человек пытается работать в школе или заниматься сельским хозяйством.

В процессе постепенного сжатия местной жизни и расширения второй дачной социальные пространственные структуры на локальном уровне подвергаются значительному изменению. В настоящее время производственная сеть сведена на нет, зато появились новые неформальные центры социальной жизни, порой более активные и часто не зависящие от размера деревень. В депопулировавшем и разреженном пространстве сельской глубинки на этапе постиндустриальной трансформации размер населенного пункта в отличие от предыдущих этапов перестает играть решающую роль. *Именно социальные сети в целом (сети акторов в смысле Б. Латура [14]), а не отдельные элементы хозяйственных и социальных структур становятся на локальном уровне движущей силой развития сельской местности, способствуя созданию новой социальной среды и зарождению элементов малого бизнеса.*

Несмотря на все увеличивающееся число дачников и тесное взаимодействие с ними, подавляющее большинство сельских жителей не рассматривают помощь дачникам как возможную постоянную работу (отчасти из-за сезонности дачного проживания). *Сельскохозяйственная ориентация местного населения на этих северных территориях оказалась очень устойчивой.* Половина сельских респондентов призналась, что они не знают, что здесь может быть, кроме колхоза. Еще 8% видят здесь частное сельское хозяйство. Среди остальных видов деятельности почти каждый третий называл вырубку и переработку леса, по 5% – производство стройматериалов и туризм.

Районные, региональные и тем более федеральные власти, несмотря на уже значительный срок дачного заселения нечерноземной глубинки, не готовы к этой инновации. Их мышление тоже консервативно. Областные и районные власти сезонное летнее население не воспринимают как свое и не заинтересованы в сохранении постоянной инфраструктуры ради него, да и не имеют на это средств. В результате дачного заселения стабильной сети услуг не создается, хотя есть отдельные жители, готовые подработать у дачников. В программах развития сельской местности, создаваемых региональными и федеральными властями, также нет места дачникам.

Роль дачного развития удаленной от городов местности, а не только пригородов, явно недооценивается. Массовость российской сезонной дачной дезурбанизации не фиксируется статистикой. Общее количество таких дачников в отличие от садоводов в более близких к Москве районах определить невозможно. До середины 2000-х годов все сведения об аренде и собственности земельных участков поступали хотя бы в местные поселковые администрации, и по адресам владельцев можно было на местах выявить число и долю горожан-дачников. Теперь такие сведения администрации собирать не обязаны. Районные земельные кадастровые палаты такие материалы не обобщают. Так что изучение дачного заселения возможно лишь на отдельных примерах путем утомительного обследования деревень.

Несмотря на современный бум дачного заселения удаленной глубинки, перспективы этого процесса не ясны. Как показали опросы дачников, в такие районы стремится определенная прослойка интеллигенции чаще всего среднего и пожилого возраста. Столичная молодежь явно имеет другие ориентиры, предпочитая оставлять деньги на курортах, а с детьми – отдыхать и жить на благоустроенных подмосковных дачах. Так что смены поколений автоматически может не произойти, а возраст современных дальних дачников скоро может стать препятствием для передвижения на столь большие расстояния.

Хотя большинство дачников (72%) отметили, что к ним иногда приезжают взрослые дети, утверждать с уверенностью, что они так же «прикипят» к этим местам, как и родители, смогли

лишь 7%. Еще 20% ответили уклончиво: дети, скорее всего, будут приезжать. 13% считают, что не будут, а около 50% не могли ответить на вопрос, подхватят ли дети их эстафету [11]. Все зависит от того, в каком возрасте они получают в наследство эти дома, каково будет их материальное положение, какова будет ситуация в стране и в Москве. Пока очевидно лишь одно: помимо желания временно сбежать от полной стрессов жизни в огромном мегаполисе *на тяге к дачной жизни в удаленной деревне сказываются поколенческие различия. Проводить значительную часть времени в деревне на природе больше готовы дети и люди в более преклонном возрасте.*

Что же будет в нечерноземной глубинке?

Конечно, дачники сельскую глубинку не спасут, тем более что, как уже говорилось, в таком разреженном социальном пространстве они тоже концентрируются в отдельных наиболее живописных очагах и могут существовать только в симбиозе с местным населением. При уходе местного населения, как правило, уходят и дачники.

Из всех моделей, связанных с занятиями местного населения *в таких районах, спонтанно осуществляются модели экономики пространственного сжатия при ее диверсификации* [9; 10]. Они не остановят уменьшения населения, сокращения крупноплощадного сельского хозяйства и сжатия освоенных территорий, но, увеличив очаговость освоения и разнообразие занятий, они спасут от тотального забрасывания земель и деревень.

Первая модель предполагает *сохранение сельскохозяйственных предприятий в резко уменьшенном виде* до тех пор, пока они востребованы местным населением или предпринимателями, местными или пришлыми. Районные администрации по-прежнему ориентированы на крупные предприятия, хотя и соглашаются, что выживут не все. Тем не менее непосредственная поддержка может осуществляться на местах – это выкуп районной администрацией или связанными с ней организациями хозяйств и образование муниципальных структур. Другой путь помощи – включение сельхозпроизводителей в локальные или региональные АПК, т.е. приобретение хозяйства местными перерабатывающими предприятиями с целью создания более стабильной сырьевой базы. Но даже убыточные хозяйства, почти ничего не дающие на общероссийский рынок, но имеющие местный сбыт, для таких районов важны. При минимуме людей, на которых можно опереться, и сильном сокращении посевов и поголовья скота *они превращаются в своеобразные фермерские хозяйства своих руководителей, хотя и продолжают числиться сельскохозяйственными производственными кооперативами*. Люди сами находят приемлемый выход из сложной ситуации. Главное – не подталкивать их к банкротству. Оставаясь поставщиками продукции на местные заводы в малых городах, они тем самым способствуют и их выживанию.

Вторая модель предполагает *сохранение и развитие мелкого частного хозяйства с повышением уровня его товарности*, что возможно в районах, лучше сохранивших трудовые ресурсы или сумевших привлечь и задержать мигрантов. Главным фактором, помимо человеческого капитала, для реализации такой модели оказывается степень включенности района в систему экономических связей (транспортная доступность, наличие близких розничных рынков и других потребителей, в том числе дачников), а также снижение бюрократических проволочек и транзакционных издержек по сельскохозяйственному реосвоению части заброшенных земель бывших колхозов.

Третья модель – *стимулирование видов деятельности, связанных с использованием природных ресурсов леса и воды* (малые лесозаготовительные и лесоперерабатывающие предприятия, заготовка и переработка грибов и ягод, охота, туризм и т.п.). По сути это уход от монофункционального сельскохозяйственного развития сельской местности. Население чаще всего выбирает самый простой путь – собирательство. Некоторые семьи в сезон ежедневно

ходят в лес как на работу. При больших объемах сбора грибов и ягод и транспортной доступности перекупщики так или иначе находят это место и регулярно приезжают в сезон. Продаются ягоды вдоль всех трасс, а также дачникам.

Четвертая модель – *развитие сектора услуг*. Неформальный сектор услуг уже присутствует в сельской местности: ремонт и строительство домов, ремонт машин, электротехнические услуги и т.п. Эта модель дополнительной занятости существовала и раньше (были специалисты печники, кровельщики и т.п.). В Нечерноземье в последние десятилетия ее развитие стимулируется дачниками. Немногие работающие мужики отказались от постоянной занятости и полностью переключились на свободный график заказов, очень плотный в летний дачный сезон. Такие фрилансеры в сельской местности весьма типичны и для других регионов [6].

Пятая модель – *сохранение некоторых малых городов и деревень как достопримечательных мест*. Причем имеющих не только ценные памятники истории и культуры, но и традиционную застройку. В России подобные традиции пока не получили развития. Правда, с начала 1990-х годов благодаря распространению идей Конвенции об охране всемирного природного и культурного наследия культурный ландшафт стал постепенно рассматриваться как категория наследия¹⁵. Это может быть закреплено специальным законодательством на национальном, региональном или районном уровне (Закон № 73 «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации», 2002 г.). И хотя такой практики крайне мало, даже небольшое дополнительное финансирование помогло бы сохранить облик многих деревень и хозяйства их населения, а также антропогенные ландшафты в целом хотя бы вокруг деревень, церквей и т.п.

Если же остаются только старики, может реализовываться **шестая модель** – *специальная социальная поддержка населения*. Ведь *депопулировавшие деревни* – это, по существу, *дешевые дома престарелых, которые отчасти и продуктами себя обеспечат*. Но им необходимы автолавки, доступная медицинская помощь, регулярные автобусные маршруты, доходящие до всех живых деревень, что дает дополнительные рабочие места и в местных центрах.

Научные стратегии сохранения депопулировавших территорий огрубленно можно свести к трем основным: 1) социальный романтизм, 2) социально-экономический дирижизм и 3) географический реализм. Первая и третья в какой-то мере представлены в Угорском проекте¹⁶.

Под *социальным романтизмом* понимается убежденность в скором массовом потоке горожан в удаленные деревни как бегство от стрессов и плохой экологии крупных городов [12]. Это не пригородная субурбанизация и не дауншифтинг с возвращением к занятиям, связанным с сельской жизнью и сельским хозяйством. Это новое качество жизни, основанной на проведении большей ее части вдали от городов на природе, но без полного разрыва с городом и городской работой. Интернет действительно полон пожеланий молодежи, особенно людей относительно свободных профессий (фрилансеров), уехать из Москвы в деревню. Но если внимательно вчитаться в их требования к новому желаемому образу жизни, то оказывается, что им, помимо природы, нужны благоустроенные дома с водопроводом, канализацией, европейской кухней, широкополосный Интернет, молодежная социальная среда, часто кафе – т.е. то, что можно (за немалые деньги) найти в городах или в пригородах, но никак не в удаленной и не-обустроенной деревне.

¹⁵ Наиболее активно эти идеи развиваются в Российском НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, где выработаны следующие принципы охраны культурного ландшафта: наследие включает не только недвижимые и движимые памятники истории, культуры и природы, но и живую традиционную культуру, ремесла и промыслы, исторические технологии, традиционные формы природопользования, этнокультурную среду и природное окружение; наследие представляет собой системное образование, в котором отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды; основным объектом охраны становится территория со всем многообразием присущих ей элементов наследия, сохранившимися формами культурной и хозяйственной деятельности [7, с. 7].

¹⁶ См. статью Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой в этом сборнике.

Социально-экономический дирижизм направлен на экономию бюджетных средств и «улучшение» социального обслуживания населения (очередная попытка осчастливить людей насильно). Зачем содержать малокомплектные школы, клубы, сельские администрации? Гораздо дешевле их объединить, а детей (если они еще останутся) возить в школы крупных сел или райцентров на автобусах. Зачем нужны сельские больницы, если там нет новейшего дорогого оборудования? Главные аргументы – низкое качество образования и медицинского обслуживания в сельской местности, отсутствие равных с городскими возможностей и конкурентной среды в сельских школах, где в классе вместо 30 учатся 2–3 ученика, а порой объединяют несколько уровней из-за отсутствия учеников. Наверное, это верно для старших классов, но никак не для младшей школы. Тем более что школа – это системообразующий элемент в сельской местности, а социальная сфера, как было показано в этой статье, – главный источник занятости местного населения.

Тем не менее *последние действия властей по объединению сельских поселений и сокращению бюджетных расходов только стимулируют процессы обезлюдения и сжатия освоенного пространства*. Во многих сельских поселениях, включая рассматриваемое Угорское, это объединение уже состоялось. Угорское поселение присоединили к соседнему Леонтьевскому, расположенному ближе к городу; туда перенесен центр поселения. Расстояние от него до многих деревень увеличивается с 5–7 км до 15–20 км. Угоры превратятся из центра местной жизни в обычную деревню, и их ждет судьба деревни Хлябишино, которая тоже когда-то была центром и имела более 300 жителей (сейчас – 30).

Озвучиваются и более радикальные предложения, например о переселении из удаленных малых деревень в райцентры. При этом неудачный опыт 1960–1970-х годов с переселением из неперспективных деревень, вызвавший усиление оттока из деревни, уже забыт [5]. А ведь именно тогда стало очевидно, что разрушение «привязки к своему огороду» в сельской местности губительно. Это окончательно подорвет локальную экономику. Ведь работы мало и в райцентрах, а главного средства самопрокорма – своих, отцами и дедами возделанных земель – они лишатся. Недаром исследования на локальном уровне в Смоленской области показали, что наибольшими пессимистами в отношении своего будущего оказывается население районных центров и наиболее удаленных от него сельских территорий [1]. Их объединение вряд ли даст положительный эффект. Обычно подобные изменения нарушали сложившиеся социальные и экономические связи и в конечном итоге приводили совсем не к тем результатам, на которые были рассчитаны [3]. Отсюда невозможность реализовать новые модели развития и сохранения населенных мест. *Это грозит полной потерей социального контроля над удаленными староосвоенными территориями Нечерноземья*.

Географический реализм исходит из понимания того, что равных возможностей быть не может (тогда, например, все дети должны учиться в элитных московских школах). Каждое место – большой, средний, малый город, пригородная и удаленная деревня – имеет свои достоинства и недостатки. Эти ограничения надо понимать, недостатки социальной сферы отчасти компенсировать, но не стимулировать отъезд людей из тех мест, где они хотят и могут жить.

Экономическое пространственное сжатие, повторю, происходит спонтанно. Его можно регулировать с целью сохранения и развития основных очагов любой активности, включая несельскохозяйственную. Но у нас любят «поручить», что весьма опасно. Управление в широком смысле вовсе не должно сопровождаться целенаправленным социально-инфраструктурным сжатием, поскольку большинство жителей современной нечерноземной глубинки, особенно малых деревень, – это пенсионеры и дачники, для которых главную роль играет именно социальная инфраструктура.

Ни одна стратегия не идеальна. Тем не менее есть общие условия если не развития, то частичного сохранения российской глубинки:

- Специальная социальная политика, направленная на поддержание здравоохранения и сокращение смертности, в том числе от алкоголизма, в малых городах и сельской местности. Повышение рождаемости, о котором много говорится в последнее время, при сильном постарении местного населения во многих районах вряд ли возможно.
- Создание институциональных условий и упрощение бюрократических процедур для стимулирования самозанятости местного населения, желающего жить и работать в деревне, но вынужденного ездить на заработки в города.
- Привлечение мигрантов из других регионов РФ или из ближнего зарубежья для сохранения освоенности территорий и занятий сельским хозяйством или другими производствами, *снятие административных преград предоставления им земель в аренду* и выдача кредитов на развитие производства, строительство или ремонт домов.
- Поддержание элементарной социальной и дорожной инфраструктуры не только для местных жителей, но и для удержания современных и привлечения новых городских дачников, сохраняющих целые деревни и дающих работу местному населению.

Список литературы

1. Благовестова Т.Е. Территориальные различия качества жизни населения на микроуровне (на примере Ярцевского района Смоленской области) // Региональные исследования. – Смоленск, 2012. – № 2. – С. 77–83.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Россия // Энциклопедический словарь / Под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. – СПб.: Издат. дѣло, бывшее Брокгаузь – Ефронъ, 1899. – Т. 27 А (54): Репина–Ряское и Россия. – С. 1–420.
3. Глезер О.Б., Бородин Т.Л., Артоболевский С.С. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ // Известия РАН. Сер. географическая. – М., 2008. – № 5. – С. 51–64.
4. Городские округа и муниципальные районы Костромской области: Стат. ежегодник, 9 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Костромской области [Офиц. сайт]: Главная: Публикации: Каталог изданий. – Кострома: Костромастат, 2011. – Условия доступа: закрытый; вид доступа: печатное издание. – Режим доступа: <http://stat.kostroma.ru/public/Lists/publishing/DispForm.aspx?ID=10>
5. Иоффе Г.В. Сельское хозяйство Нечерноземья: Территориальные проблемы. – М.: Наука, 1990. – 163 с.
6. Калугина З.И. Инверсия сельской занятости: Практика и политика // Регион: Экономика и социология. – Новосибирск, 2012. – № 2. – С. 45–67.
7. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.: Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
8. Народное хозяйство Костромской области. – Кострома: Костромское областное управление статистики, 1994.
9. Нефедова Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: Экология и люди Ближнего Севера / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 98–120.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.